

II. ПРОСВЕЩЕНИЕ

1

Татаро-монгольское нашествие тяжело отразилось на всей книжной образованности древней Руси.

Древнейшие очаги русской письменности гибли не только в Батыеву рать, но и под ударами отдельных набегов татар, сметавших с лица земли города и сёла, а вместе с ними и ценнейшие книжные собрания, накопленные за несколько веков существования русской книжности.

В тяжёлые годы злой татарщины русские люди прятали книги в каменных церквах, где они могли надёжнее всего уберечься от пожаров и грабежей. В 1382 г. при известии о приближении Тахтамышя жители Москвы и окрестных сёл снесли, по словам летописца, в соборные церкви «толико множество» книг, что груды их лежали до самых стропил. Но каменные стены не спасли книг: их дочиста уничтожили вторгшиеся татары.

Лишь Новгород и Псков, куда не докатился опустошительный вал монголо-татарского нашествия, сохранили свою книжность и впоследствии в течение многих веков до самого XVIII в. снабжали русские города древнейшими рукописями. И сейчас ещё большинство рукописей домонгольской эпохи, хранящихся в наших крупнейших библиотеках, — новгородские или псковские по своему происхождению. Именно такой (новгородской или псковской) была и рукопись величайшего литературного произведения древней Руси — Слова о полку Игореве, — погибшая затем в московском пожаре 1812 г.

Губительные последствия чужеземного ига сказались не только на сохранности книжных богатств: резко падала и сама грамотность. Это заметно по тому, как умень-

шается в XIII в. число образованных писателей, как беднеет и сужается летописное дело, как мало сохранилось от этого времени выдающихся литературных произведений. Лишь во второй половине XIV в., когда русские города постепенно оправляются от ударов кочевых орд, начинается необычайно быстрый рост русской образованности.

Во второй половине XIV в. в Константинополе и на Афоне существовали целые колонии русских, живших в монастырях и занимавшихся списыванием книг, переводами, сличениями русских богослужебных книг с греческими и т. д. Сохранился ряд рукописей, выполненных русскими книжниками в монастырях Афона и Константинополя. С другой стороны, греки, болгары и сербы посещают Новгород, Москву и другие русские города. Среди учёных выходцев из южнославянских стран и из Византии приезжают и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан (повидимому, болгарин), Григорий Цамблак (болгарин), Пахомий Логофет (серб). Последний и первый сыграли выдающуюся роль в развитии русской литературы.

Южнославянские рукописи и переводы наводняют русские монастырские библиотеки и распространяют мысли и настроения византийского предвозрождения. Одновременно русские книжники усиленно трудятся над возрождением собственной русской книжности, переписывают сочинения, созданные ещё до татаро-монгольского завоевания. Вот почему именно в это время сказывается влияние многих произведений XI—XII вв.: Повести временных лет, Слова о полку Игореве, Киево-Печерского Патерика, Слова о законе Илариона и др.

Возрождение русской образованности идёт настолько быстро, что она начинает оказывать влияние и на образованность южнославянских стран. Монах Хиландарского монастыря, серб Доментиан, подражает русскому писателю начала XI в. митрополиту Илариону, а Константин Костенческий в своём сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим» и сообразует с ним свои правила орфографии.

Среди книжных центров Руси, кроме уже упомянутых Новгорода и Пскова, особенное значение в конце XIV в. приобретают Тверь, Ростов и Суздальское княжество, в котором как крупный книжник выдвигается епископ Дионисий, удостоившийся особой похвалы летописи, при-

знавшей в нём «мужа премудра, разумна, промышленна же и рассудна». Во время своего пребывания в Константинополе Дионисий удивил своими знаниями даже учёных греков, подвергших его экзамену по богословию и каноническому праву. По инициативе Дионисия была составлена в Нижнем-Новгороде знаменитая Лаврентьевская летопись — ценнейший памятник русского летописания.

Дионисий не был одинок в Нижнем. Кроме работавшего под его руководством монаха-летописца Лаврентия можно указать книжника Дорофея и друга Дионисия — Павла Высоцкого, о котором летопись сообщает, что он «книжен бысть вельми и философ велий, и молчанье и безмолвие имяше много, егда же беседы время бываше ему много-рассуден и полезен зело». Этот Павел проживал в Нижегородском монастыре и вёл там нечто вроде лекций.

Рано становится крупным центром книжности и молодая Москва. Выдающимся образованием отличался митрополит Алексей — по происхождению москвич. Его переводы с греческого отличаются замечательной точностью. Уже Иван Калита был весьма сведущ в книгах; но впоследствии степень книжного образования московских великих князей весьма резко колебалась.

В Москве ведётся огромная историческая работа, здесь создаются первые широко организованные государственные архивы, трудятся переводчики, составляются обширные библиотеки, как, например, библиотека Чудова монастыря в Кремле. Свои библиотеки имели бояре и купцы. В начале XVI в. славилась своими книжными богатствами библиотека великого князя, заключавшая в себе редчайшие латинские и греческие сочинения, частью неизвестные на Западе. Эта библиотека вызывала удивление бывавших в Москве иностранцев. По словам пастора Веттермана, она состояла из еврейских, греческих и латинских книг и хранилась подле княжеских покоев под двумя каменными сводами. Максим Грек, долго живший в Италии, лично знакомый со многими учёными гуманистами и знавший центры европейской книжности, увидев библиотеку Василия III, воскликнул: «Государь! вся Греция не имеет такого богатства, ни Италия, где католический фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасённые моими единоверцами от варваров магометовых». В великокняжеской библиотеке хранилось до 800 древнейших рукописей. Здесь были в подлинниках сочинения Тита Ливия, Цицерона, Светония, Юлия Цезаря, Саллюстия,

Полибия, комедии Аристофана, сатиры Сира, своды законов римских и византийских и мн. др.

В XV и XVI вв. тысячи писцов занимались в стране переписыванием книг. «Нет, кажется, ни одного народа, который столь много занимался и трудился бы над переписыванием, как русские», — писал посетивший впоследствии Москву академик Коль.

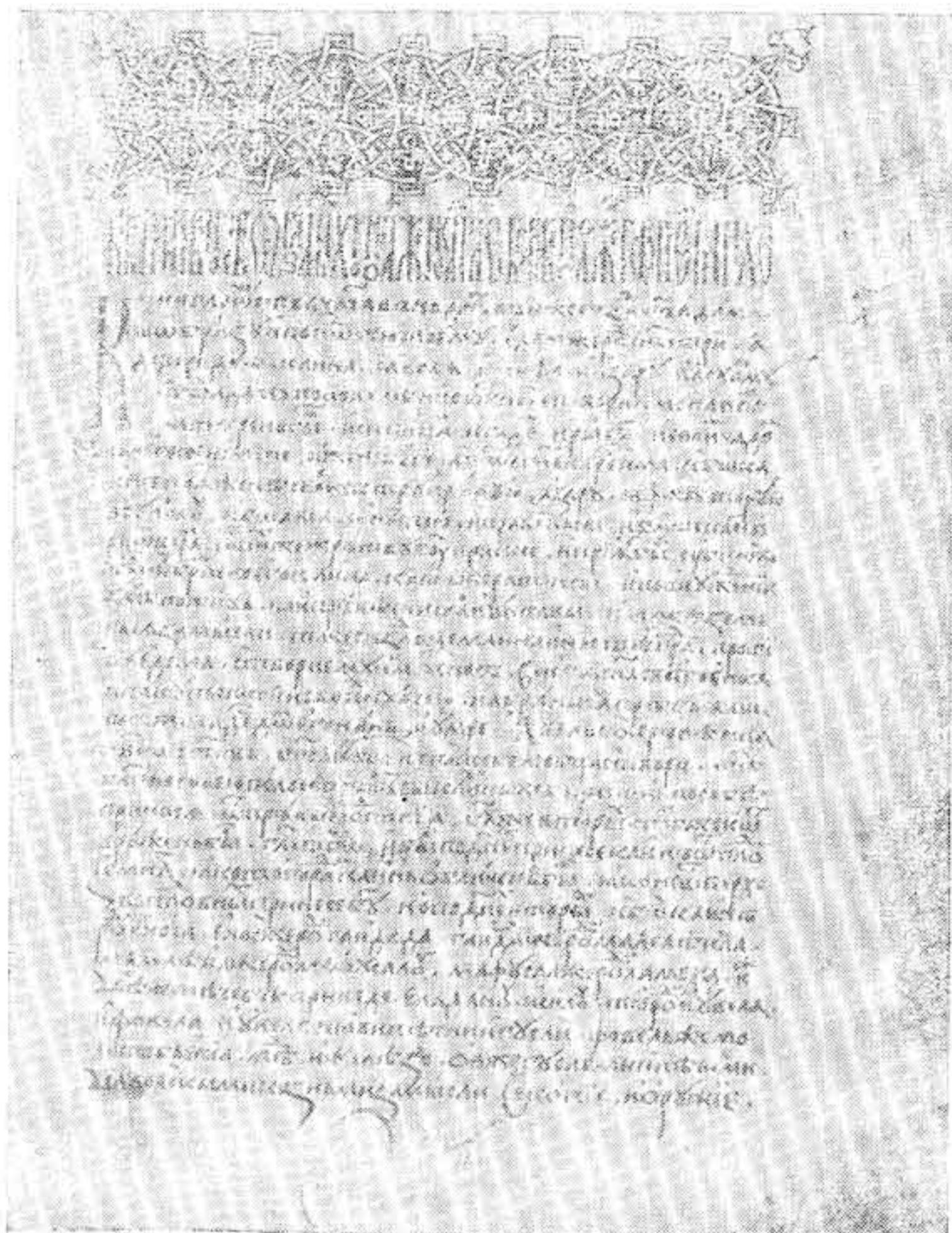
Выдающимися центрами книжности были монастыри, число которых на Севере чрезвычайно увеличивается в XV в. Первые основатели этих монастырей — Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий, Мартиниан Белозерский, Кирилл Комельский сами занимались списыванием книг и ставили это занятие в обязанность своим ученикам. Многие из этих книжников отмечаются летописью. В сочинениях XV—XVI вв. нередко можно встретить специальные статьи о пользе чтения книг.

Монастырское образование не было только религиозным. Наряду с церковнослужебными книгами и богословскими сочинениями летописи были обычной книгой в монастырях. Крупные монастыри, как, например, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский, вели собственные летописные записи. Авторы житий, монахи, в своих посланиях, епископы, игумены нередко ссылаются на летописцев. Зиновий Отенский был знаком с хронографами, т. е. с особыми сочинениями по всемирной истории, а в Кирилловом монастыре усердно читали знаменитого византийского историка Георгия Амартола.

Усиленно растёт в XV и XVI вв. грамотность широких масс населения. По подсчётам подписей на документах полагают, что в начале XVI в. процент грамотных среди землевладельцев Дальнего Севера превышал 80; между помещиками Московской области был выше 65, а среди посадских достигал 25—40. Широко распространена была грамотность среди купечества посада: тверской купец Афанасий Никитин, отправляясь на Восток, не только захватил с собою книги, но вёл в пути записи, которые по его возвращении были включены в летопись.

Особым уважением пользовалось в древней Руси знание иностранных языков. В конце XV — начале XVI в. кроме переводов с греческого и южнославянских языков появляются переводы с латинского, польского, немецкого. Переводятся лечебники, космографии, хроники, сочинения по астрологии, которые, как видно из полемики Максима

Грека, были весьма распространены. Неоднократно занимается переводами московский дипломатический деятель

Рукопись Временника Георгия Амартола (XV в.)

Дмитрий Герасимов (в частности, он перевёл латинскую грамматику). Дьяк или один из сопровождавших его лиц

при посольстве в Венгрию сделал перевод с немецкого языка повести о воеводе Дракуле. Многие монахи Троице-Сергиева монастыря хорошо знали греческий язык. Герасимов изучал в Ливонии латинский и немецкий языки. Знали языки Ф. Курицын, А. Власьев, князь Д. Щербатов. Не только знание латинского, немецкого и польского языков было распространено среди московских дипломатов. Московских толмачей обучали в конце XVI в. и шведскому языку. В переговорах с поляками и татарами московские бояре неоднократно указывали на их хроники и обнаруживали знакомство с генеалогией иноземных государей.

В конце XV — начале XVI в. известно много образованных и любознательных русских людей: воевода В. М. Тучков, князь Ив. Токмаков, И. Д. Сабуров, князь П. И. Шуйский, боярин Ф. И. Карпов «многим разумом украшенный», боярин Берсень-Беклемишев, В. Патрикеев, Иосиф Волоцкий, Мисюрь-Мунехин, Д. Герасимов и многие другие.

Русские книжники были знакомы с античными писателями и философами по пересказам и средневековым переработкам. Воевода В. М. Тучков в биографии Михаила Клопского писал: «Слышал я некогда, как читали книгу о пленении Трои. В этой книге сплетены многие похвалы еллинам от Гомера и Овидия. Только одной воинственной храбрости обязаны они такой похвалой, что память о них не изгладилась в течение многих лет». Автор «Слова о жизни и преставлении Дмитрия Ивановича» (Донского) знает Пифагора и Платона. Архиепископ Вассиан Ростовский (Рыло) и новгородский архиепископ Пимен ссылаются в своих сочинениях на Демокрита. Максим Грек, учившийся в Италии и лично знакомый со знаменитым гуманистом типографом Альдом Мануцием, упоминает в своих сочинениях Гомера, Гезиода, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Диагора, Фукидида, Плутарха, Менаандра. Вассиан Патрикеев в своих работах ссылался на Гомера, Аристотеля, Платона, Александра и Филиппа Македонских. В своеобразной нравственной энциклопедии русского средневековья, пользовавшейся чрезвычайным распространением в XIV—XVI вв. — так называемой «Пчеле», — встречаются изречения и отрывки из Плутарха, Филона, Исократа, Демокрита, Мосха, Диогена, Менаандра, Эпихарма, Геродота, Эврипида, Пифагора, Демосфена, Сократа, Ксенофонта, Гиперида, Аристотеля, Дио-

дора, Эпиктета, Платона, Катона, Эпикура, Лукиана, Либания, Питтака, Виаса.

В миниатюрах Углицкой псалтыри 1485 г. встречаются аллегорические изображения Нептуна, Аполлона, Дианы, а на стенах и на вратах Успенского и Благовещенского соборов в Московском Кремле были изображены Гомер, Платон, Фукидид, Диоген, Аристотель со свитками в руках, на которых были написаны их изречения. Конечно, все эти античные деятели, писатели, боги были знакомы русским весьма поверхностно, но самое обилие упоминаемых имён говорит о том властном, очаровывающем влиянии, которое оказывала античность на русских книжников.

2

Обучение грамоте начиналось в древней Руси с 7 лет. Обычай этот отмечен в житиях Петра, Евфросинии, Иосафа Каменского, Иосифа Волоцкого и многих других русских святых.

Сведения о школах XV—XVI вв. чрезвычайно скудны. Одно из важнейших сохранилось в постановлениях Стоглавого Собора 1553 г. Жалуясь на упадок образования, редакторы Стоглава писали: «А прежде этого училища бывали в Российском царстве на Москве и в Великом Новгороде, и по иным городам многие грамоте, писать и петь и читать учили: потому тогда и грамоте гораздых было много; писцы и певцы, и чтецы славились по всей земле, славятся и до сих пор».

Уже в ярлыке хана Узбека (1313) упоминаются «книжники», «уставодержальники» и «учительные людские повестники», т. е. учителя. Митрополит Пётр около того же времени советует без устали упражнять детей в чтении книг и в другом учении. Книжные училища для детей упоминаются во многих житиях русских святых XIV—XVI вв. Как видно из жития новгородского архиепископа Ионы, училище, в котором он учился в детстве в Новгороде, отличалось многолюдством. Училища были не только в городах. Были школы и в таких удалённых от городов монастырях, как Кирилло-Белозерский. Училища бывали в XV в. и в деревнях, иногда весьма захолустных. Александр Свирский научился грамоте в училище родной деревни в Обонежье. Зосима Соловецкий также учился в деревне в Обонежье. Антоний Сийский учился в селе

около Белого моря. Мартиниан Белозерский учился в деревне «близь» Кириллова монастыря и т. д.

В житии Сергия Радонежского говорится об учителе, который учил его с братьями и других детей. В миниатюре к его «лицевому», т. е. иллюстрированному, житию изображена комната. В ней на лавке сидят рядом 5 учеников с книгами, сзади них помещаются ещё трое, налево от них ещё двое. На правой стороне учитель объясняет урок самому Сергию. Всего, следовательно, изображено 11 детей.

В древнерусских школах XIV—XVI вв. производилось, повидимому, по большей части лишь начальное обучение: учили чтению, письму, читали часослов, псалтырь, апостола «и прочие божественные книги». Большое значение придавалось пению, обучение которому всегда упоминается рядом с обучением чтению и письму. Возможно, производилось обучение счёту.

В XVI в. в некоторых школах стала проходиться «книга философская», содержащая грамматику и некоторые основания «свободным хитростям». Дальше этого организованное обучение обычно не шло. Всё остальное образование книжники получали не в школах, а в общении со знающими людьми или в личных занятиях над книгами.

Такой порядок обучения обеспечивал широкое распространение грамотности, которая была не ниже, а порой и выше, чем на Западе; однако высокое гуманистическое образование составляло на Руси редкость. Необходимо при этом отметить, что жалобы новгородского архиепископа Геннадия на невежество духовенства, которые обычно приводятся для характеристики русского просвещения на рубеже XV и XVI вв., относятся только к Новгороду, где существовал особый порядок поставления попов по выбору — часто из мирян, не прошедших специального обучения.

3

Конец XIV и XV в. характеризуются постепенным накоплением эмпирических знаний. Всё больше отходят в прошлое языческие верования, анимистические представления — по крайней мере, в высших классах общества. Уже меньше пугают затмения, кометы, грозы. Уже не тревожит воображение выловленный в реке труп урода или падение метеоритов.

Разительные успехи, сделанные русскими в наблюдении и объяснении различных явлений природы, особенно ясны, если сравнить два описания морового поветрия: одно, сделанное в 1092 г., и другое — в 1364 г. Под 1092 г. описание морового поветрия в Полоцке целиком проникнуто примитивными религиозными представлениями язычества. Летописец передаёт, что духи умерших невидимые скакали на лошадях по улицам города и поражали язвою тех, кто выходил из домов. От этой язвы и умирали люди. Совсем иной конкретно-эмпирический характер имеет точное описание симптомов чумы под 1364 г.: «а болеть была такова: прежде (прежде) как рогатиною ударит за лопатку или противу сердца под груди, или промежи крил (т. е. между лопаток) и разболиться человек и начнет кровию хракати (харкать) и огонь разбьет и (его), посем пот, потом дрожь иметь и тако в болести полежав овии (некоторые) день еден (один) поболевше умираху, а друзии два дни, а инии 3 дни. Прежде же мор был, кровию храчюче мерли, потом же железю разболевшись, ти тако же, два дни или 3 дни полежавше, умираху, железа же одинако, но иному на шее, иному на стегне (бедре), овому же под скулою, иному же за лопаткою». Летописец подробно описывает дальше распространение чумы, как бы предугадывая правильное объяснение переноса инфекции.

Исключительною точностью и мастерством описания отличается рассказ летописи о болезни и смерти отца Ивана Грозного — Василия III (1534). Перед нами почти клиническое описание течения болезни с точной регистрацией всех её симптомов и хода лечения, завершающееся передачей отдельных физиологических деталей агонии.

В этом летописном повествовании нет и следа тех наивных народно-языческих представлений о болезни, которые приводили к магическим способам её «лечения»: заговорам, колдовству и т. д. Способы, которыми лечат Василия III, не заключают в себе ничего знахарского.

Насколько значительными и новыми были эти эмпирические наблюдения русской летописи даже сравнительно с Западной Европой, доказывает хотя бы тот факт, что ещё в 1331 г. рождение живых львят, а не мёртвых, как утверждали средневековые «физиологи» (сборники повествований о животных), вызвало несказанное удивление итальянского купца Джованни Виллани. По средневековым представлениям, львы рождаются мёртвыми и оживают

лишь на третий день, символизируя тем самым воскрешение Христа на третий день после погребения. «Я сам могу удостовериться, — заявляет Виллани, поражённый рождением живых львят у принадлежавших городской общине львов, — что вместе с другими гражданами видел, как они родились и тотчас же побежали и стали сосать свою мать».

Непосредственное наблюдение явлений природы живо ощущается и в других случаях.

В одном из сборников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря находим ряд статей об отдельных явлениях природы. Статьи эти пытаются решить различные сложные вопросы эмпирическим путём наблюдения.

Одна из статей сборника описывает явления атмосферного электричества. Гром и молния происходят, по мнению автора, от столкновения туч, подобно тому, как «и кремень съразився с железом грохот испускает с огнем».

Между тем, ещё не так давно, в «Беседе трех святителей» молния и гром объяснялись так: «Ангел господень, летая по небу, бьет крыльями и гонит дьявола, отчего происходит шум. Когда идет дождь, в то время дьявол стоит, а когда блещет молния, то ангел смотрит с гневом на дьявола».

Объясняет кирилло-белозерский сборник и то, почему запаздывает звук грома сравнительно с молнией: «слышание» — «косно (т. е. инертное, малоподвижное) чувство есть». При этом в сборнике приведена правильная аналогия запаздыванию звука грома: когда дровосек сечёт дерево в отдалении, мы сперва видим удар топора, грохот же слышим только спустя некоторое время. Таким образом, приведённый в сборнике пример не только вводит в объяснение явлений природы правильное наблюдение, но и устанавливает всеобщность её законов: звук запаздывает не только при грохоте грома, но и при стуке топора: следовательно, «слышание же косно чувство есть».

Тот же кирилло-белозерский сборник предлагает своим читателям и другие статьи: «О широте и долготе земли», «О стаднях и поприщах», «О земном устройении», «О расстоянии между небом и землею», «Лунное течение» и др. Здесь нет уже представлений о земле — плоскости, как это было, например, в XI—XIII вв. Земля признаётся шаром, хотя попрежнему ставится в центр вселенной. По своему положению она подобна «желчи» (желтку) яйца, где белок — воздух, а «черепка» (скорлупа) — небо. Трезвым,

деловым характером отличаются фактические цифровые сведения о расстояниях и величине объектов. Указываемые размеры солнца, луны хотя и далеки до действительных, но всё же очень значительны.

В обильной монашеской литературе, проникшей в XIV и XV вв. из Византии по вопросам исихии (молчальничества) встречались сложные психологические наблюдения, посвящённые разбору таких явлений, как восприятие, внимание, разум, чувство и т. д. Трактаты эти различали три вида внимания, три вида разума, учили о различных видах человеческих чувств, обсуждали вопросы свободы воли и давали тонкий самоанализ. Русский автор Нил Сорский различает пять периодов развития страсти: «прилог», «сочетание», «сложение», «пленение» и собственно «страсть» и даёт каждому из этих периодов подробную характеристику, основанную в значительной мере на конкретном наблюдении.

Сложная специальная терминология свидетельствует о развитии математических знаний в XV—XVI вв. Эта терминология была двойной — одна употреблялась в практической области торговых и всяческих иных вычислений, а другая была теоретической. Так, например, в практической терминологии «тьмой» назывались десятки тысяч, в теоретической же «тьма» означала миллион; за миллионом следовал «легион», за ним легион легионов — «леодр»; леодр леодров — «ворон»: математическая терминология простиралась до единиц 49 разряда.

Такая же специальная терминология существовала и в области основных арифметических действий: сумма — «исподний большой перечень», слагаемые — «перечни», разность — «остатки», уменьшаемые — «заемный перечень», вычитаемое — «платежный перечень», делимое — «большой перечень», делитель — «деловой перечень», частное — «жеребеный перечень», остаток — «остаточные доли».

Как видно из терминологии, арифметические знания древней Руси выросли на основе практических потребностей торговли. Такое же практическое назначение имела и геометрия, развивавшаяся в тесной связи с землемерным искусством: приёмы исчисления площадей квадрата, параллелограмма, трапеции, треугольника и т. д. Каждый из этих приёмов отличался наглядностью и сводился обычно при измерении площади сложных фигур к построению равновеликой площади прямоугольника — способ,

находящий себе аналогию не в западноевропейских методах начертательной геометрии, а на Востоке.

Этот практический характер чрезвычайно типичен и для естественно-научных сведений на Руси XV—XVI вв. Под влиянием практических потребностей производства возникает интерес к химии красок и чернил, появляются пачатки медицины, анатомии, физиологии, лекарственной ботаники.

Сложные динамические задачи возникали в связи с быстрым развитием артиллерии, впервые упоминаемой очень рано — ещё под 1382 г., и достигшей высокого уровня к концу XV в. Только наличием сложных наблюдений может быть объяснено изобретение пушек, заряжавшихся не с дула, а с «казённой» части и обладавших выдающимися динамическими качествами. На Западе этот вид орудий был изобретён значительно позднее.

Глубоких естественно-научных и математических знаний требовало церковное и крепостное зодчество. Трудно предполагать отсутствие теоретических расчётов при строительстве огромных каменных сооружений конца XV—XVI вв., как, например, церковь Вознесения в селе Коломенском 1532 г. Чтобы сохранить равновесие постройки под давлением огромных каменных масс церкви, строители должны были точно рассчитать толщину стен. По словам исследователя русской архитектуры М. Красовского, «даже современные зодчие, во всеоружии тайн строительной механики, не рискнули бы сделать эти стены более тонкими, раз только осталась бы та огромная высота храма,¹ над которой, однако, не задумался зодчий XVI века».²

Примером точного знания русскими строителями условий равновесия архитектурных сооружений может служить сложная работа по обновлению «сдвинувшихся» сводов обгоревшей во время пожара церкви Вознесения в Москве, произведённая мастером В. Д. Ермолиным в 1467 г. (ещё до прибытия в Москву итальянских мастеров). Ермолин с товарищами «церкви не разбираша всеа; но из надворья горелой камень весь обломаша, и своды двигавшаася разбираша, и оделаша еа около всю новым камнем да кирпичем ожиганым, и своды сведоша, и всю съвершиша, яко дивитися всем необычайному делу сему».

¹ Церковь Вознесения имеет более 60 м. в высоту.

² М. Красовский, Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества, М. 1911, стр. 110.

Таким образом, буря, пронёсшаяся с Востока, затормозила поступательное движение русского просвещения. Однако с XIV в. просвещение начинает вновь быстро развиваться.

Исключительно высокого уровня достигают грамотность, книжность, письменность, эмпирическое наблюдение природы. Практические заботы и в области политики, и в области военной организации, и в архитектуре, и в ремёслах, и в экономике привели к интенсивному накоплению эмпирических знаний, росту опыта, практических навыков. Но умозрительное начало и теоретическая мысль не получили в русской жизни решительного преобладания.

Все силы русского народа были собраны для разрешения практических, насущных задач создания русского национального государства. Этот величественный труд властно подчинил себе все духовные силы русского народа.

III. ЛЕТОПИСНОЕ ДЕЛО

1

В разные времена и у разных народов выдвигаются искусства или литературные жанры, которые ярче всего выражают характер народа или характер эпохи, отчётливее всего запечатлевают их типические черты. Для древней Руси вплоть до XVII в. на протяжении 600 лет таким определяющим, наиболее типическим явлением культуры была летопись.

Вся культура древней Руси была проникнута интересом к своей истории. Московские князья основывали свою политику на свидетельствах летописи, на исторических ссылках, умело сообразуя историческое прошлое русского народа с задачами, выдвигаемыми настоящим.

Средневековое русское искусство утверждало себя как историческое искусство по преимуществу и отвергало прямой вымысел. Конечно, реальный историзм в средние века не мог быть целиком достигнут: люди средневековья верили в историческое существование многого такого, чего никогда не было и не могло быть в действительности.

Наибольшее развитие средневековый «историзм» получил в литературе. Проблема исторической достоверности составляла основную проблему повествовательной литературы древней Руси. Всякий повествовательный сюжет в русской средневековой литературе рассматривался как исторически бывший, как нечто, чему свидетелем был сам автор, или те, от кого он слышал его или у кого читал. Согласно взгляду средневекового русского писателя, литература должна была изображать только действительные события, рассказывать только о действительно существовавших лицах. Конечно, вымысел широко проникал в древнюю русскую литературу, но он всегда маскировался раз-

ными историческими именами, упоминаниями реальных географических названий, где совершались события повествования, точными хронологическими указаниями о том, когда, в каком году, при каком князе происходило то или иное событие. Действующими лицами древнерусских повествовательных произведений всегда были исторические лица, либо лица хотя и не существовавшие, но историческое существование которых не подвергалось сомнению.

Даже в тех случаях, когда в произведения древней русской литературы вводилось вымышленное лицо, оно окружалось роем исторических воспоминаний, создающих иллюзию его реального существования в прошлом. Действие повествования всегда происходило в точно определённой исторической обстановке или, ещё чаще, произведения древнерусской литературы рассказывали непосредственно о самих исторических событиях (Слово о полку Игореве, Повести о рязанском разорении, «Задонщина» и многие другие).

Вот почему, изучая русскую средневековую литературу, исследователи так часто вынуждены обращаться к показаниям летописи, да и сама летопись оказывает сильнейшее воздействие на литературные произведения древней Руси. В средневековой русской литературе не было любовной поэзии, не было произведений чисто развлекательных жанров; дух летописи, дух историзма пронизывал собою всю её от начала и до конца.

Это придавало русской средневековой литературе отпечаток особой серьёзности и значительности, тем более, что приверженность к историческому факту, к истории связывалась на Руси с задачами государственного и национального строительства. Постоянные военные опасности, ускорившие процесс образования русского национального государства, привели к усиленному развитию национального самосознания, подчинили литературу государственным и общенациональным задачам. Благодаря этому летопись с её государственным размахом, с её громадным историческим содержанием стала одним из основных проявлений национальной специфики русской культуры XI—XVI вв.

В летописи скрещивались все важнейшие идейные течения древней Руси. Текст летописания всегда подвергался в древней Руси страстным политическим спорам и толкованиям. Политически острая летопись постоянно служила своеобразным ориентиром в политической жизни городов, княжеств, а затем и Русского государства в целом. Она

была средством политического воспитания общества, складывалась как памятник политической жизни и служила важным политическим документом.

Именно на основании летописей русское правительство без всяких колебаний заявляет своё право на господство над старыми «отчинами» московских князей — Киевом и Смоленском, Полоцком, Черниговом. Опираясь на летописи, Москва ведёт свою объединительную политику. Летописи служат историческими доказательствами при спорах русских князей перед ханом о великом княжении: князь Юрий Дмитриевич обосновывал свои права на московское княжение «летописцами и старыми списками и духовною отца своего великого князя Дмитрия». Летописи и людей, умеющих «говорить» по русским летописям, т. е. отлично знающих их содержание, вёз Иван III в обозе своих войск, наступая на Новгород в 1471 г. Подготавливая Ливонские войны, Иван Грозный твёрдо и неоспоримо устанавливает на основании летописей, что Дерпт — русский город Юрьев, выстроенный в XI в. Ярославом Мудрым, носившим христианское имя Юрий.

Московское правительство усиленно развивало летописное дело и пользовалось историческими ссылками и свидетельствами старых летописей в масштабах и с искусством, которым не могли противопоставить ничего равного противники Москвы.

2

Русские летописи обычно содержат рассказ об исторических событиях за несколько столетий в годовом — хронологическом порядке. Изложение исторических фактов по годам, хронологическая канва составляет отличительную, неизменную черту летописи.

Однако нельзя думать, что летописи создавались в результате постепенного присоединения всё новых и новых записей, что летописи росли из года в год, по мере того как летописцы в тиши своих келий бесстрастно присоединяли новые страницы к старым.

Такое представление о летописном деле было когда-то широко распространено, но в конце XIX — начале XX в. под влиянием исследований академика А. А. Шахматова решительно отброшено. Каждая летопись представляла собою не случайный набор записей по годам, а единый, цельный труд, преследовавший определённые политические задачи.

Летописи — это цельные, связанные чёткой политической концепцией исторические произведения, создаваемые летописцами не путём постепенного накопления записей, а по большей части единовременно.

Самое составление летописи всегда было приурочено к каким-либо знаменательным официальным событиям в жизни феодального центра: вступление на стол нового князя, основание собора, учреждение новой епископской кафедры и т. д. Летопись никогда не была делом частного лица, частной инициативы. Летопись была официальным произведением, важнейшим государственным документом.

Летописцы соединяли в летописях самый разнообразный материал: здесь и труды их предшественников, таких же летописцев, и новые записи, доводящие изложение событий до времени составления летописи или «до князя нынешнего», здесь и договоры князей, и их завещания, и жития святых, и исторические повести, и церковные поучения, и послания митрополитов, и пересказы народных преданий, сказаний, легенд и т. д. и т. п. Летописи были своеобразными историческими энциклопедиями, в которые включалось всё то, что казалось летописцу имеющим историческую ценность. Таким образом, летописи — это своды. История летописания есть история летописных сводов.

Летопись являлась своеобразной хранильницей многих лучших произведений древней русской литературы. В составе летописи сохранились: Поучение Владимира Мономаха, повести о Куликовской битве, житие Александра Невского и многие другие. Едва законченное описание путешествия в Индию Афанасия Никитина — его знаменитое «Хождение за три моря» русские купцы спешат доставить в Москву в великокняжескую канцелярию летописцу дьяку Василию Мамыреву для включения в летопись.

Подбор сведений в летописи отнюдь не был случаен: летописные своды создавались в результате сознательной, тщательно продуманной работы летописцев, подбиравших свой материал с позиций определённой политической идеологии. Летописные своды были всегда проникнуты внутренним идейным единством, спаяны острой политической мыслью. При этом рукой летописца водил не личный произвол мнений: летописец своей политической концепцией был тесно связан с тем феодальным центром, по инициативе которого создавалась летопись.

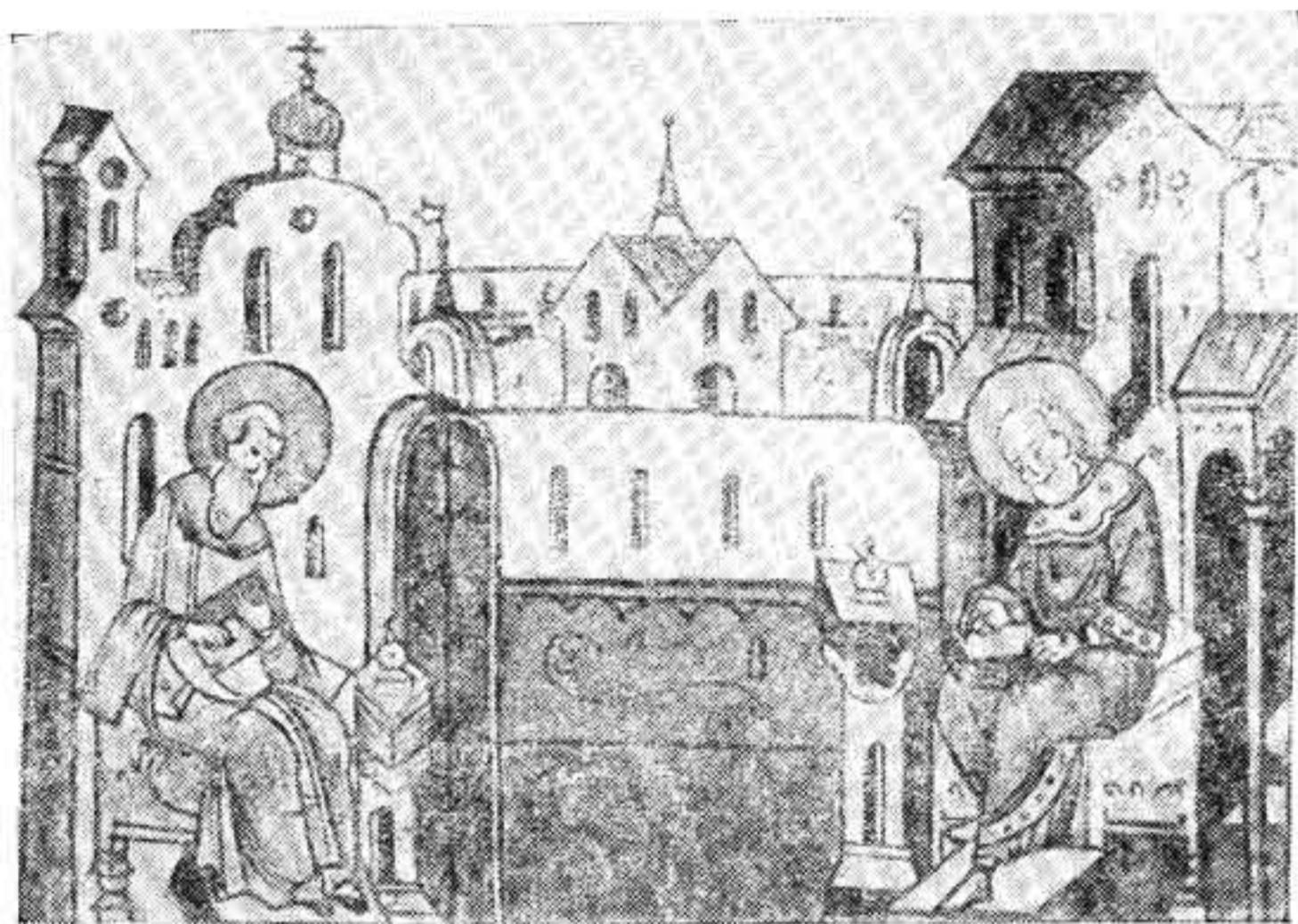
Политическая идея, вкладываемая в своды, выражалась не в грубой переделке изложения, а по большей части в самом подборе материала, иногда в пропусках тех или иных исторических известий. Переработка предшествующего летописного материала могла быть допущена составителем летописного свода лишь по очень веским основаниям, максимально сохраняла предшествующий текст и носила строго определённые формы, ограничиваясь выработанными приёмами сокращений, дополнений из других произведений или некоторыми обновлениями языка и стиля. Создавая свою историческую концепцию, летописец бережно сохранял в ней тексты предшествующих сводов и самые исторические концепции своих предшественников. Ни произвольного искажения прежнего текста, ни фантастических добавлений и необоснованных утверждений летописцы, как правило, не допускали. Летописцы как бы сознавали документальный характер записей своих предшественников, сознавали свою ответственность перед грядущими поколениями и важность исторической памяти.

Такой характер летописных сводов как бережной, политически продуманной, искусной компиляции предшествующего летописного материала открывает возможности восстановления лежащих в основе поздних летописей XIV—XVI вв. древнейших летописных сводов.

Хотя дошедшие до нас списки русских летописей принадлежат сравнительно позднему времени (все они не старше XIV в.), но благодаря тому, что летописная традиция ни разу не прерывалась, исследователи, снимая слой за слоем и распутывая комбинации предшествующих сводов, могут восстановить состав летописей и самые их тексты XI—XII вв. Благодаря этому перед наукой открыты широкие возможности полного, слово в слово, восстановления утраченных памятников летописания. Так был, например, восстановлен академиком А. А. Шахматовым на основании поздних списков летописей XIV—XVI вв. текст сохранившейся в них Повести временных лет. Так другой исследователь — М. Д. Присёлков — восстановил текст сгоревшей в московском пожаре 1812 г. ценнейшей русской летописи начала XV в. — так называемой Троицкой летописи. Так академик Обнорский в летописях XV—XVI вв. смог изучить даже самый язык документов X—XI вв., несмотря на то, что документы эти были десятки раз переписаны поздними летописцами. В грандиозных московских летописных сводах XV—XVI вв. таятся неисчерпаемые возможности

для восстановления исторических произведений древней Руси.

Таким образом, летописи были исключительно сложными, искусно составленными историческими энциклопедиями, бережно хранившими в своём составе разнородный исторический материал. Их составление было предметом государственной заботы, заботы князей, митрополитов, епископов.

Изображение летописцев из Хронографа Публичной библиотеки им. В. И. Ленина (XVI в.)

иногда монастырей или городов (в Новгороде, в Пскове). Роль их в народной жизни огромна.

На всём протяжении своей многовековой истории русское летописание было движущей силой, формировавшей национальное сознание русского народа. Но никогда ещё значение летописи не было так велико, самые летописные своды такими огромными и содержательными, а ведение летописи таким искусным и сложным, как в годы образования русского национального государства. По степени вложенного труда, мысли, искусства летописание достигло в XV—XVI вв. поистине грандиозного развития.

Русское летописание никогда не было узко местным. Даже во времена татаро-монгольского ига, когда общение между отдельными областями было до крайности затруднено, каждый феодальный центр стремился расширить свои летописные записи за счёт записей соседей, по возможности полнее осветить события общерусской истории. В летописи теплилась идея единства Руси. Большинство летописей, ведшихся на всём огромном пространстве Русской земли, начиналось с общего им всем рассказа о том «откуда есть пошла русская земля». Это повествование о начале Руси поддерживало в самые чёрные годы татарщины твёрдое убеждение в возможности нового и окончательного объединения.

Первые годы татаро-монгольского ига характеризуются относительным упадком летописной работы. Особенно тяжело сказался на летописании разгром Батыем центра великокняжеского летописания — Владимира. Именно с этой поры записи северо-восточных летописей становятся чрезмерно кратки и неточны в датировках. Из главных городов Владимирско-Суздальской земли уцелел лишь Ростов. Туда и переходит обедневшее владимирское великокняжеское летописание. Полностью сохранило силу лишь новгородское летописание, так как татаро-монгольские орды не разгромили Новгорода.

Во второй половине XIII в. новгородцы и ростовчане делают попытку расширить свои летописные записи. В состав ростовских летописей включаются записи какой-то новгородской летописи. С другой стороны, в середине XIII в. в Новгороде летописец Тимофей раздобывает рязанскую летопись и включает в новгородскую летопись отдельные короткие рассказы о событиях в Рязани первой половины XIII в.

Таким образом, попытка связать владимирско-ростовское летописание с новгородским встретила ответные попытки связать новгородскую летопись с летописями северо-восточными и тем восстановить нарушенную после татаро-монгольского нашествия связь между летописанием отдельных областей. Однако усилия эти не привели к существенным результатам: новгородское летописание не стало общерусским, а владимирско-ростовское великокняжеское летописание вовсе оборвалось в конце XIII в. на несколько десятилетий.

Раньше других областей общерусское летописание возрождается в Твери. В 1305 г., после двадцатипятилетнего перерыва великокняжеского летописания, в Твери был составлен первый тверской великокняжеский свод, использовавший в своём составе великокняжеский свод 1281 г., на котором оборвалось владимирско-ростовское летописание. Этот первый тверской свод отличался ещё чрезвычайной сухостью и лаконизмом записей, ограниченностью исторического горизонта летописца, сосредоточившего своё повествование на узко местных событиях, ратях татар и «которах» (распрях) князей. За ним последовали другие тверские своды, постепенно расширившие круг своих записей.

В XIV в. ведутся уже и другие летописи: княжеские — в Рязани и Смоленске, епископская — в Ростове. Ведутся летописи в Новгороде и Пскове. С ростом политического самосознания в русской жизни возрастает значение летописи. Особенно выдвигается с конца XIV — начала XV в. значение летописания Москвы. В её летописных сводах нашла своё отражение московская общерусская политика.

Первоначальное летописание Москвы сосредоточивается главным образом при дворе русского митрополита, где внимательно следили за судьбами всех подчинённых ему в церковном отношении русских областей. Положение митрополита «всея Руси» над всеми церковными организациями отдельных областей, его общерусские связи позволяли митрополичьей канцелярии собирать у себя копии, а иногда и подлинники летописей, ведшихся по городам, княжествам, монастырям всей Великой Руси. Интересы церкви делают митрополитов сторонниками устойчивого политического строя и прекращения усобиц. Московские митрополиты первыми руководят созданием обширных общерусских сводов, соединивших впоследствии всё огромное разнообразие русских летописей.

Общерусские летописные своды имели существенное значение в политической деятельности Москвы. Ведя политику собирания русских областей в единое целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий. Благодаря соединению в ней областных летописей московское митрополичье летописание приобрело общерусский характер и невиданный ранее размах. Содержание московского митрополичьего летописания, обилие включённых в его состав областных летописей уже в XIV в. «свидетельствует, — по словам академика А. А. Шахма-

това, — об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей».¹

В 1409 г. в Москве был составлен обширный общерусский свод, осветивший русскую историю с точки зрения единства русской земли. Инициатива составления этого свода принадлежала незаурядному писателю того времени — митрополиту Киприану, но закончен этот свод был уже после смерти Киприана.

Киприан соединил в своих руках управление русской церковью во всех русских областях, в том числе и в тех, которые находились в составе Литвы.

Для составления своего свода Киприан собирает с различных концов Руси местные летописи, действуя для этого через подчинённые ему церковные организации. К своду были привлечены новгородская летопись, рязанская, смоленская, тверская, суздальская и предшествующая московская летопись XIV в. Кроме того, в свод Киприана впервые были включены известия по истории Литвы, интерес к которой был очень характерен для Киприана.

Все эти местные летописи подверглись в своде Киприана лишь незначительной обработке. Составители свода намеренно сохранили обвинения новгородской летописи против тверичей, предшествующей московской летописи против новгородцев и суздальцев и т. д. Московская летопись намеренно сталкивает областные интересы, чтобы тем удобнее восхвалять политику московских князей — потомков Ивана Калиты. Этому последнему летопись посвящает особую похвалу, отмечая, вопреки исторической действительности, сорокалетнюю «великую тишину» и отдых народа от «истомы» и «тягости» татарских насилий. Московский характер свода отразился также в количестве преобладании известий по истории Москвы над известиями тверскими, новгородскими, ростовскими и др.

Однако летописец митрополичьего двора сохраняет значительную свободу суждений по отношению к действиям московского великого князя. Путём косвенных намёков и исторических примеров летописец всячески поучает современных ему московских правителей. Так, например, в назидательных целях в состав летописи была включена похвала уму и военным талантам литовского князя Ольгерда,

¹ А. А. Шахматов, *Общерусские летописные своды XIV и XV вв.*, Журнал Министерства народного просвещения, 1900, № 9, стр. 91.

Летописец особенно удивляется его умению хранить военную тайну и внезапно нападать на противников. «Не столько силою, сколько умением воевал», говорит о нём летописец, стремящийся поставить себя выше московско-литовского спора за объединение Руси.

Уже после смерти Киприана свод, начатый при его жизни, был заключён повестью о нашествии Эдигея на Москву. В этой повести летописец заново перерабатывает киприановскую идею московско-литовского единства с точки зрения необходимости обратить все военные усилия обеих сторон только против татар. Составитель утверждает, что степные народы — исконные враги Руси. Это была та поправка к киприановской идее, которую подсказывало русскому составителю повести о нашествии Эдигея его живое чувство любви к родине. Составитель повести о нашествии Эдигея настойчиво проводит мысль об особой опасности внезапных, в тайне подготовленных набегов степных кочевников. При этом он отождествляет татар и половцев как общих врагов Руси. Татары заключают ложные миры, надеясь, что русские в «бесстрашии будут», натравливают литовцев на русских и выжидают ослабления обеих сторон. Татарские отряды, призываемые на помощь русскими князьями, как прежде половцы, стремятся высмотреть расположение русских и их вооружение, чтобы затем самим напасть на русских. Этой же политики придерживался и Эдигей, всячески заверявший русских в своей дружбе, чтобы тем легче вторгнуться в русские земли.

Автор повести о нашествии Эдигея пересмотрел взаимоотношения Руси со степью от XI и до XV в. с точки зрения исконности их вражды, сопоставляя Киевскую Русь с Московскою. Он упрекает московских великих князей за то, что они не слушают советов «старцев» и призывают себе на помощь против Литвы «половцев»-татар.

При этом летописец, желая оправдать свою резкую критику недостаточно активной политики московских великих князей против «половцев»-татар, ссылается на пример киевского летописца и на историческую объективность одного из редакторов Повести временных лет — игумена Сильвестра, «не украшая пишущего», не стеснявшегося без украс оценивать политику великого князя. Это рассуждение летописца о задачах летописания показывает, какого широкого взгляда на свою работу держался московский летописец, какая острота политического обличения влага-

лась им в летописные своды начала XV в. и каким авторитетом пользовалась в то время древняя киевская летопись XII в. — Повесть временных лет.

Вскоре после составления свода 1409 г. потребовалась новая переработка летописания. Политические идеи свода 1409 г. не могли удовлетворить московскую политику. Слишком явно противоречила киприановская идея сохранения распределения русских земель между Литвою и Москвою реальным интересам русского народа. Вместе с тем противоречили тем же интересам резкие выпады против узко местных тенденций русских областей. Поэтому в 1418 г. при митрополите Фотии было предпринято составление нового летописного свода.

Свод Фотия в ещё большей мере, чем свод Киприана, стремился стать на общерусскую точку зрения — к бесстрастной и «объективной» манере изложения. Поэтому сглаживается изложение борьбы Москвы с соперничающими областными русскими центрами, опускаются некоторые узко местные московские известия, сведения семейно-княжеского характера и т. д. Изъятию подверглись пренебрежительные выпады против новгородцев, тверичей, суздальцев. Такая переработка предшествующего летописного свода Киприана несомненно была вызвана тем, что в своей объединительной политике и борьбе с антимосковскими силами Москва стремилась опереться на местное демократическое население и была заинтересована в прекращении областной вражды, не желала распространять обвинений на всех суздальцев, новгородцев, тверичей и т. д. Благодаря этому московское летописание становилось подлинно общерусским — не только по количеству привлечённых местных летописей, но и по самому отношению к историческому прошлому всей русской земли в целом. Это был умный политический шаг, который сразу же оказал своё действие: свод Фотия был принят во всех главных летописных центрах Руси. Он лёг в основание новгородского летописания, тверского, ростовского и др., став повсюду проводником идеи объединения Руси.

Настойчивая забота о соединении в единую летопись разрозненных летописей множества разобщённых областей свидетельствует о вполне созревшей уже мысли о единстве Руси. Мысль эта сочеталась пока с бережным использованием местной литературы, местных, иногда демократических тенденций и не диктовала ещё сурового сокра-

щения и цензурирования местных летописей, как это было позднее. Наоборот — московская летопись в эти годы явно начинала занимать всё более и более демократическую позицию, выдвигая роль горожан в защите Руси от кочевников. Иную трактовку получила, например, в новом своде осады Москвы Тохтамышем. В предшествующем летописном своде Киприана главная роль в защите Москвы от войск Тохтамыша принадлежит внуку великого литовского князя Ольгерда — Остею, заменившему ушедшего в Кострому на сборы войска великого князя Дмитрия Ивановича. Гибель этого литовца сломала якобы сопротивление Москвы. В новой редакции повести о Тохтамыше составитель фотиевского свода с особым вниманием говорит о московских купцах-гостях: «сурожанах» (купцах, ведших торговлю через Сурож-Судак в Крыму), суконниках и др. Они названы поборниками земли русской, против них главным образом направлена ненависть татар. Литовский князь Остей не выступает уже защитником Москвы от Тохтамыша, как в своде Киприана: сами горожане оберегают город. В повествование введён новый рассказ о подвиге суконника Адама, который, заметив с Фроловских ворот Кремля (ныне Спасских) важного татарского князя, попал ему из самострела прямо «в сердце его гневливое». Взять Москву Тохтамышу удалось лишь при помощи вероломных обещаний.

Демократический характер этой переделки несомненен. Версия эта носит следы фольклорного происхождения: былины знают горького пьяницу Василия Игнатьевича, который в Киеве со стены города поражает стрелами трёх знатнейших татарских вельмож.

Таким образом, идея единства Руси вошла в московские летописные своды вместе с демократическими тенденциями. Москва явилась всесторонней собирательницей русского исторического предания, объединительницей местных летописей в обширных сводах. Москва не противопоставляла себя в своих летописях другим русским областям, не замыкалась в узких пределах только своего исторического предания. Это идейное собрание всего исторического прошлого русского народа на основе идеализации киевского периода — периода национальной независимости — опережало реальный процесс собирания русских земель вокруг Москвы и как бы ставило московской политике конкретные дальновидные задачи.

Свод Фотия лёг в основу всего русского летописания XV—

XVI вв. Списки этого свода, вытребованные в отдельные области и княжества, ложатся в основу летописания Твери, Ростова, Новгорода и т. д. Прямо или косвенно все русские летописи XV—XVI вв. опираются на свод Фотия.

Интенсивное продолжение получил свод Фотия в обширном летописании Новгорода. Энергичный политический деятель и глава новгородского «совета господ» — архиепископ Евфимий II деятельно заботится о составлении летописных сводов. В 1432 г. создаётся новый свод новгородского владычного летописания — Софийского временника, который должен был дать в противовес московской — новгородскую историческую концепцию, поставив в центр русской истории — историю Великого Новгорода.

Однако вскоре же после составления этого свода стал ясен и его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами первой четверти XV в. В то время как московское летописание было в подлинном смысле общерусским, объединяло в своём составе известия самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом, новгородский Софийский временник по составу своих известий оставался всё же летописью узко новгородской. Поэтому при том же Евфимии II в 1448 г. в Новгороде было предпринято составление нового летописного свода.

Свод 1448 г. был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Он описывает судьбы русского народа в целом, хотя преимущество по-прежнему отдаёт Новгороду и в нём видит центр русской истории. В основном этот общерусский характер свод 1448 г. получает в результате заимствования известий из московского летописного свода Фотия 1418 г. Стремясь создать свою историческую и политическую концепцию, противостоящую московской, Новгород всё же опирается на Москву и на её книжность. Характерно также, что в противоположность московским летописям начала XV в., нередко оценивавшим события с точки зрения демократических слоёв населения, составитель свода 1448 г. во многих случаях проявил себя как представитель интересов новгородской боярской партии. Он с осуждением отнёсся к чёрному люду — к «голодникам», к «ябедникам» и к городским волнениям.

Аналогичным образом свод Фотия был использован и по другим русским областям. Это было замечательной

победой идеи единства русского народа. Идея необходимости единения, сознание русской земли как целого, повластно входила повсюду в областные политические теории. Спор шёл лишь о том, кому возглавлять это единство.

Со времени составления Повести временных лет при Владимире Мономахе работа исторической мысли никогда ещё не была так интенсивна. Летописные своды с чрезвычайной последовательностью следовали один за другим и росли в размерах.

4

В своде Фотия отчётливо отразилось осознание истории России как составной части всемирной истории. В начале свода Фотия были включены крупные выписки из Хронографа — переводной всемирной истории. Этими хронографическими статьями история Руси связывалась с историей вселенной.

В середине XV в. этот интерес к истории всего мира был настолько силен, что явственно определилась потребность в своей, русской точке зрения на мировую историю. Московские книжники предпринимают создание своей собственной всемирной истории.

В 1441 г. был составлен Русский хронограф, имевший затем громадный успех в читательской среде, неоднократно перерабатывавшийся в течение двух с половиной веков, дошедший до нас в сотнях списков и распространившийся в южнославянских странах.

Повидимому, Хронограф этот был составлен известным писателем XV в., Пахомием Логофетом, во время его пребывания в Троицком монастыре. Изложение Хронографа начинается от «сотворения мира». Особенное внимание он уделяет еврейской истории, затем истории Греции и Рима. От событий истории Византии Хронограф переходит к русской истории как к завершению истории мира.

Замечательной особенностью Русского хронографа являлась ярко выраженная в нём идея всеславянского единства. Именно поэтому в изложении событий всемирной истории автор Хронографа уделил исключительное внимание истории славянских стран. В Хронограф были включены сербские произведения: житие Саввы Сербского, Стефана Лазаревича и др. Выводя русскую историю на мировую историческую арену, летописец искал родствен-

ных связей Руси со славянскими народами, отчётливо сознавал себя славянином и шире — частью исторического человечества в целом.

5

Одновременно с летописанием митрополичьим, достигшим в первой половине XV в. такого исключительного размаха в подборе исторического материала и искусства в его обработке, велось и летописание московского великокняжеского двора. Сперва бедное и ограниченное в своих интересах, оно постепенно крепнет в соседстве с летописанием митрополита и во второй половине XV в. достигает в Москве господствующего положения. Это летописание сосредоточено в руках великокняжеских дьяков, систематически подбирающих к нему материал и широко пользующихся московскими архивами, организация которых становится исключительно тщательной при Иване III.

Приказное делопроизводство даёт обильный материал для великокняжеского летописания. В летопись записываются «разряды» военных походов, «воеводские отписки», описание приёмов при дворе, даются точные хронологические справки, приводятся имена участников похода и списки убитых. Подробно отмечается в летописи всё существенное и важное с точки зрения великокняжеской политики, тщательно описываются военные события, особенно походы, в которых принимал участие сам великий князь.

Летописные своды великокняжеского двора обычно доводились «до князя нынешнего», т. е. заканчивались описанием смерти предшествующего великого князя. Так, например, один из летописных сводов заканчивался на 1426 г. известием о смерти Василия Дмитриевича. Второй великокняжеский свод был составлен в 1462 г. и оканчивался смертью Василия Тёмного. Пространным описанием смерти отца Ивана IV — Василия III — заканчивался великокняжеский свод первой половины XVI в. Однако в княжение Ивана III были составлены два летописных свода, имевшие своими окончаниями описание новгородских походов Ивана III. Присоединению Новгорода московская политика придавала исключительное значение. С точки зрения московской дипломатии, Иван III выступал не только как объединитель русских областей, но и как защитник православия против католичества, к которому хотело передаться новгородское боярство. Поэтому каждый из походов Ивана III на Новгород заканчивался составлением

летописных сводов, которыми отмечались эти важнейшие этапы русской истории.

Новгородские походы Ивана III описаны в этих сводах в приподнятых выражениях, события изложены с чрезвычайной тщательностью, подробно дано описание конфликтов, содержание переговоров. Победам Ивана III приданы всесветное значение и необычайная торжественность.

Новгородские походы в обоих этих сводах рассматриваются как борьба с изменниками вере и Русскому государству. Сознательно противопоставляется измена новгородского боярства верности меньших людей, которых бояре только силою заставляли воевать против Москвы. Даже тех, которые отродясь не сидели на лошади, у которых и в мыслях не было поднять руку против великого князя, — пишет летописец, — «всех тех изменники (бояре) силою выгнали» против войск Ивана III.

Упорная, настойчивая работа исторической мысли Москвы подготовила новый грандиозный расцвет русского летописания, начавшийся несколько позднее — в царствование Грозного.

Этот новый подъём русского летописания начинается с 30-х гг. XVI в., когда последовательно один за другим создаются грандиозные многотомные своды, иногда иллюстрированные тысячами превосходных миниатюр. Эта летописная работа была обставлена генеалогическими и хронологическими разысканиями исключительной тщательности. Они подводили итоги истории объединения русского народа, сводили воедино все исторические сочинения, касающиеся Руси, вводя её в сферу всемирной истории. Это был грандиозный патриотический апофеоз Русского государства.

Однако вместе с тем на них кончалось русское летописание, во всяком случае — в его столбовой московской дорожке: наличие прочно организованных архивов отменяет значение летописи как основного исторического и дипломатического документа; летописание вступает на путь литературной обработки предшествующего исторического материала. Летопись всё больше и больше становится из исторического документа литературным произведением, в задачу которого входило осмысливать события русской и всемирной истории с точки зрения философско-исторической, давать назидательное и воспитывающее граждан патриотическое чтение.

IV. ЭПОС

Исторические предания, былины, песни, когда-то столь обильные в древней Руси, давно замолкли. Никто не записал их, не отразил своего впечатления от их исполнения. Но судить о них мы всё же можем по тем отголоскам, которые явственно слышатся ещё во многих летописных записях XV—XVI вв. Ведь былины и исторические песни рассказывали о том же, о чём писал и летописец: о русском прошлом. И вот случалось, что свои рассказы летописец изменял или дополнял подробностями, слышанными им от народных пётарей. Опытный глаз исследователя всегда может отличить в летописных записях то, что вошло в них не из предыдущих летописей, не из литературных произведений, не из книг, а от стоустой народной молвы, из песен сказителя на пиру или на улице.

Из этих обмолвок и случайных упоминаний летописца мы узнаём, что уже в первой половине XV в. ему были знакомы имена тех же героев былевого эпоса, которые знакомы и нам. Составитель летописного свода митрополита Фотия первой четверти XV в. записал в нём о гибели русских богатырей в битве с татарами на Калке. Мы уверены в том, что летописец записал об этом со слов сказителей, так как древнейшие летописи ничего не сообщают об этом факте. Следовательно, в первой четверти XV в. была былина, которая рассказывала о гибели богатырей в битве с татарами. Знаем такую былинку и мы.

Как складывались и развивались былины, какие идеи были ими выражены? На этот вопрос отвечают списки летописей. Разновременные летописные записи, сделанные летописцами в XV и XVI вв. на основании различных песен сказителей, могут раскрыть нам историю былинных сюжетов об одном из главных богатырей русского эпоса — Алёше или Александре Поповиче. Упоми-

нания о нём, попавшие в летопись в начале XV в., говорят об Александре Поповиче иное, чем указания конца XV в., а записи XVI в. — ещё иное и более близкое нашим былинам. Былины об Александре Поповиче прошли за полтора века огромный путь развития, изменивший образ героя, и это одно свидетельствует о том, что эпоха сложения русского государства была также и эпохой сложения русского эпоса.

Древнейший рассказ о подвигах Александра Поповича находится в Тверской летописи, составленной в 1534 г. и иначе называемой Тверским сборником. Составитель этой летописи, ростовец родом, переписывая события русской истории, внёс в свою летопись рассказ о подвигах своего земляка Александра Поповича, древнее «Описание» которых он имел под рукой. Его тревожили «высокоумие», гордость и кичливость русских князей, принесшие гибель русским богатырям, и он решил включить содержание этого «Описания» с двойною целью: укорить русских князей за их самонадеянность и восславить своего земляка, ростовского «храбра» Александра Поповича, погибшего в битве по легкомыслию князей.

«Был некто из Ростовских жителей Александр, прозванный Попович, и слуга был у него именем Тороп» — так начинается включённое летописцем в свою летопись древнее «Описание». Оно не отличается детальностью, суммарно излагая события. Александр Попович служил первоначально владимирскому великому князю Всеволоду Юрьевичу («Большое Гнездо»). Когда же Всеволод отдал Ростов своему сыну, князю Константину, Александр перешёл служить к последнему в Ростов. На службе у Константина Александр Попович совершал ряд богатырских подвигов, защищая Ростов от соседних князей. Эти подвиги Александра Поповича рисуют его в чертах узко местного ростовского патриотизма. На Ростов напал брат Константина Ростовского Юрий и стал станом на реке Ишне. Константин бежал из Ростова, Александр же один остался в нём, выходя из города на войска Юрия, и избивал многих из его людей. «Великие» могилы, полно наложенные костями убитых Александром, ещё и доныне, — говорит автор «Описания», — видны на реке Ишне и в других местах. С какой бы стороны ни подступали враги к Ростову, Александр со своими «храбрами» выходил на ту сторону и избивал врагов. Не раз приходил на Ростов Юрий, но каждый раз с позором удалялся. Однажды и сам Констан-

IV. ЭПОС

Исторические предания, былины, песни, когда-то столь обильные в древней Руси, давно замолкли. Никто не записал их, не отразил своего впечатления от их исполнения. Но судить о них мы всё же можем по тем отголоскам, которые явственно слышатся ещё во многих летописных записях XV—XVI вв. Ведь былины и исторические песни рассказывали о том же, о чём писал и летописец: о русском прошлом. И вот случилось, что свои рассказы летописец изменял или дополнял подробностями, слышанными им от народных пётарей. Опытный глаз исследователя всегда может отличить в летописных записях то, что вошло в них не из предыдущих летописей, не из литературных произведений, не из книг, а от стоустой народной молвы, из песен сказителя на пиру или на улице.

Из этих обмолвок и случайных упоминаний летописца мы узнаём, что уже в первой половине XV в. ему были знакомы имена тех же героев былевого эпоса, которые знакомы и нам. Составитель летописного свода митрополита Фотия первой четверти XV в. записал в нём о гибели русских богатырей в битве с татарами на Калке. Мы уверены в том, что летописец записал об этом со слов сказителей, так как древнейшие летописи ничего не сообщают об этом факте. Следовательно, в первой четверти XV в. была былина, которая рассказывала о гибели богатырей в битве с татарами. Знаем такую былинку и мы.

Как складывались и развивались былины, какие идеи были ими выражены? На этот вопрос отвечают списки летописей. Разновременные летописные записи, сделанные летописцами в XV и XVI вв. на основании различных песен сказителей, могут раскрыть нам историю былинных сюжетов об одном из главных богатырей русского эпоса — Алёше или Александре Поповиче. Упоми-

нения о нём, попавшие в летопись в начале XV в., говорят об Александре Поповиче иное, чем указания конца XV в., а записи XVI в. — ещё иное и более близкое нашим былинам. Былины об Александре Поповиче прошли за полтора века огромный путь развития, изменивший образ героя, и это одно свидетельствует о том, что эпоха сложения русского государства была также и эпохой сложения русского эпоса.

Древнейший рассказ о подвигах Александра Поповича находится в Тверской летописи, составленной в 1534 г. и иначе называемой Тверским сборником. Составитель этой летописи, ростовец родом, переписывая события русской истории, внёс в свою летопись рассказ о подвигах своего земляка Александра Поповича, древнее «Описание» которых он имел под рукой. Его тревожили «высокоумие», гордость и кичливость русских князей, принесшие гибель русским богатырям, и он решил включить содержание этого «Описания» с двойною целью: укорить русских князей за их самонадеянность и восславить своего земляка, ростовского «храбра» Александра Поповича, погибшего в битве по легкомыслию князей.

«Был некто из Ростовских жителей Александр, прозванный Попович, и слуга был у него именем Тороп» — так начинается включённое летописцем в свою летопись древнее «Описание». Оно не отличается детальностью, суммарно излагая события. Александр Попович служил первоначально владимирскому великому князю Всеволоду Юрьевичу («Большое Гнездо»). Когда же Всеволод отдал Ростов своему сыну, князю Константину, Александр перешёл служить к последнему в Ростов. На службе у Константина Александр Попович совершал ряд богатырских подвигов, защищая Ростов от соседних князей. Эти подвиги Александра Поповича рисуют его в чертах узко местного ростовского патриотизма. На Ростов напал брат Константина Ростовского Юрий и стал станом на реке Ишне. Константин бежал из Ростова, Александр же один остался в нём, выходя из города на войска Юрия, и избивал многих из его людей. «Великие» могилы, полно наложенные костями убитых Александром, ещё и доныне, — говорит автор «Описания», — видны на реке Ишне и в других местах. С какой бы стороны ни подступали враги к Ростову, Александр со своими «храбрами» выходил на ту сторону и избивал врагов. Не раз приходил на Ростов Юрий, но каждый раз с позором удалялся. Однажды и сам Констан-

тин решился напасть на Юрия. Со своими «храбрами» — с Александром Поповичем, со слугою его Торопом и Тимоной Золотым Поясом — Константин разбил Юрия и принудил его бежать. В этой битве Александр убил храброго Юрюту — любимца князя Юрия. Смерть Юрюты не мог простить Юрий Александру до конца его жизни.

Знаменитая победа на Липицах также была одержана Константином благодаря подвигам Александра Поповича, избившего многих ратников Юрия, в том числе и «безумного» боярина Ратибора, похвалявшегося сёдлами закидать врагов вопреки трезвым советам Творимира — примириться.

Никоновская летопись, в которой также сохранились некоторые записи об «Олёшке Поповиче», даёт любопытное объяснение того, кто такой был этот боярин Ратибор, которого убил Александр Попович. В этой летописи, на основании устных преданий, в описание Липицкой битвы вставлен рассказ о том, как перед битвой враги Константина Ростовского устроили пир и хвастались множеством своих воинов. Князя спрашивали на пиру всех присутствующих о том, как им сходитьсь в битве. Очередь дошла и до старого боярина Андрея Станиславича (Творимира), которого все считали выжившим из ума от старости. Ему «с небрежением» предлагают сказать своё мнение. Старец просит прощения за своё скудоумие и мужественно говорит в лицо князю Юрию всю правду, предлагая примириться и отдать старейшинство Константину. «Не смотрите на то, что мало их войска, а ваше войско бесчислено». Старец напомнил, что в рядах сторонников Константина — великие богатыри, храбрые, как львы и как медведи, которые не слышат на себе ран: Александр Попович, слуга его Тороп, Добрыня Рязанич и Нефедья Дикун. Князь Юрий в гневе. Присутствующие на пиру бояре в ярости бранят старца за его безумие, а один из них (Ратибор) обещает закидать врагов сёдлами и побить их кулаками, даже если на помощь врагам придёт «вся земля Половецкая».

Ночью в лагере врагов Константина происходит напрасный переполох. Старый боярин, которого все считали выжившим из ума, насмешливо успокаивает их и вновь предупреждает: «еще ничего не видя хотите вы бежать; не говорил ли я вам, что лучше примириться с Константином». Но и на этот раз враги Константина не внимают

увещаниям старца, отсылая его от себя прочь «бесчестна».

Наутро происходит битва, в ней на стороне Константина принимает участие Александр Попович.

В пылу битвы Александр чуть не убивает союзника своего — князя Мстислава Удалого, который с топором в руках проехал через ряды суздальцев, смешавшись с ними. Лишь предупредительный возглас Мстислава Удалого спасает его от разгорячённого битвой Александра. Александр отсылает князя назад, преподав ему правоучение: «княже! ты не дерзай, стой и смотри; когда ты, глава, убит будешь, что будет с другими, куда им деться?».

Победа была полной. Заносчивые враги Константина — Юрий и Ярослав позорно бежали с поля битвы. Юрий в одной нижней рубашке прискакал во Владимир на четвёртом коне, загнав по дороге трёх. Жители Владимира приняли его издалека за гонца, везущего весть о победе, и обрадовались, но, узнав своего князя в таком позорном виде, подняли плач. Брат его, Ярослав, прискакал в Переяславль на пятом коне, загнав по дороге четырёх. Этими комическими эпизодами заканчивается описание битвы. Радость горожан, принявших Юрия за гонца с известием о победе, напоминает известный былинный эпизод с дочерями Соловья-Разбойника, принявшими Илью Муромца, везущего побеждённого Соловья, за самого Соловья, везущего связанного Илью.¹

Дальнейшую судьбу Александра Поповича «Описание» рисует следующим образом. Когда Константин умер и великое княжение перешло к брату его Юрию, Александр, опасаясь мщениа Юрия за убийство любимого «храбра» его — Юрята, боярина Ратибора и иных многих из дружины Юрия, посылает своего слугу в различные русские княжества и созывает к себе в город на совет всех русских «храбров», как архаически называет «Описание» русских богатырей (слово «богатырь» — относительно позднее: вошло в употребление с XV в.). Город этот (замок Александра Поповича) был «обрыт» на реке Гзе, где валы его, как замечает летописец, ещё «и ныне» сохранились. Съехавшиеся «храбры» совещаются между собою. Если им оставаться служить по разным княжествам, то быть им перебитыми поодиночке, так как среди князей на Руси

¹ Гильфердинг, Онежские былины, № 74.

«великое неустроение» и частые междоусобные битвы. «Храбры» уславливаются ехать служить единому общерусскому князю — в мать городов русских — Киев. В Киеве, — рассказывает автор «Описания», — княжил в это время великий князь Мстислав Романович Смоленский. «Храбры» били челом киевскому князю, который принял их к себе на службу и впоследствии много гордился и хвалился своею дружиною.

Когда дошли до Мстислава Романовича слухи о появлении татар, которые многие земли пленят и приблизились уже к «русским странам», Мстислав в гордости заявил: «до тех пор пока я в Киеве, — по Яик, и по Понтийское (Чёрное) море, и по реку Дунай никому саблей не махивать». Можно думать, что результатом этой похвальбы и была гибель Александра Поповича и его 70 «храбров» в битве с татарами на Калке, о чём упоминают многие русские летописи XV—XVI вв. на основании эпических песен.

Более поздние летописные записи знаменитой обширной Никоновской летописи (XVI в.) и Степенной книги говорят об Александре Поповиче как о богатыре киевского князя Владимира I Святославича, переводя его, таким образом, на два с лишком века назад.

Княжение Владимира Святославича вообще окружено в летописях XVI в. роем богатырских имён, свидетельствуя тем самым о наличии в XVI в. обширного богатырского эпоса. Одна из летописных статей Никоновской летописи имеет даже особый заголовок «Богатыри». Под ним упоминается и Александр Попович, который вместе с другим богатырём, Яном Усмошвецом, избил множество печенегов и взял в плен князя их Родмана, приведя его с тремя сыновьями к князю Владимиру. Владимир устроил на радостях пир, роздал богатую милостыню и велел развозить по городу тем, кто не мог явиться на пир, великие кади и бочки мёду и квасу, рыбу, мясо.

Когда через три года печенеги снова появились под Киевом, Владимир снова послал на них Александра Поповича и Яна Усмошвеца; печенеги, услышав об этом, бежали в поле.

В другой раз напал на Киев Володарь с половцами. Владимира не было в городе: он находился в Киевце на Дунае. В Киеве поднялось страшное смятение. Но Александр Попович вышел ночью навстречу врагам, убил Володаря, брата его и множество половцев, а остаток прогнал в поле. Услышав об этом, Владимир сделал Александра

Поповича великим вельможей в своей палате и возложил ему на шею золотую гривну. Эпизод этот хотя и записан в Никоновской летописи под княжением Владимира I Святославича, но рисует Александра Поповича богатырём Владимира Мономаха: половцы не могли появиться под стенами Киева при Владимире I: их ещё не было в южно-русских степях — они появились лишь в середине XI в. Володарь, о котором идёт речь в Никоновской летописи, действительно подступал к Киеву с половцами, но при Владимире Мономахе. Упомянем, что и в современных былинах Александр Попович выступает иногда как богатырь Владимира Мономаха: Тугарин Змеевич, с которым борется Алёша в известной былине, — историческое лицо времени Владимира Мономаха — половецкий князь Тугорхан.

Таким образом, в русских летописях отразилось несколько сюжетов былин об Александре Поповиче. В одних из них, наиболее древних, он выступает как местный герой, «ростовский житель», и действует при ростовском князе Константине в XIII в., защищая Ростов. В других он переезжает в Киев к «единому» русскому князю Мстиславу Романовичу и там гибнет за общерусское дело. В третьих он защищает Киев от половцев при Владимире Мономахе, в четвёртых, наиболее поздних записях, защищает Киев от печенегов при Владимире Святославиче и уже называется «богатырем».

Каждый из этих этапов развития былин ярко отражает господствующую идеологию своего времени. В период феодализма и господства областных интересов — в XIII и XIV вв. Александр Попович был местным областным героем, защищающим своего князя, как верный вассал своего господина. Эти предания тесно приурочены к различным местным ростовским памятникам: могильным холмам, остаткам замка самого Александра. Он архаически называется ещё «храбром». С ростом в русской жизни сознания общерусского единства Александр Попович теряет в народном сознании черты узко местного ростовского героя. Одновременно с политическим объединением русских областей создаётся и былина об отъезде из Ростова Александра Поповича во главе других русских «храбров», отказывающихся от служения местным князьям. Александр Попович приезжает в Киев, мать городов русских, и служит «единому» русскому князю.

Этот переезд Александра Поповича в Киев типичен и для других местных богатырей. В былинах XIX—XX вв. сохранились рассказы о приезде в Киев Александра Поповича и Екима Ивановича из Ростова, Ильи Муромца из Мурома, Добрыни из Рязани, Дюка Степановича из Волынца-Галича. Приезжают в Киев и Чурило, и Никита Залешанин, и др. В некоторых из этих былин говорится о том, что богатырь приезжает в Киев, заслышав о нависшей над ним опасности, но только в летописи полностью раскрывается внутренний смысл этих переездов: это отказ богатыря от служения местным интересам феодала ради служения родине. Киев и киевский князь выступают в рассказе летописи как символы общерусского единства: киевский князь прямо назван «единым» князем. Впоследствии в былинах смысл этих переездов затемнился, и остались только самые факты перехода местного героя в центр — Киев.

Таким образом, Александр Попович как местный герой предшествует Александру Поповичу как герою общерусскому, подобно тому как исторически областнические тенденции предшествовали объединительным.

Недовольство не прекращавшимися в конце XIV и в начале XV в. усобицами князей отразилось в резко отрицательном изображении хвастливого князя Мстислава Романовича, при котором произошла по одной из древнейших былин гибель богатырей в несчастной битве на Калке. Однако рост политического значения княжеской власти в XIV и XV вв., выдающаяся роль московских великих князей в политическом объединении Руси привели к переосмыслению личности князя в былинных сюжетах. Вот почему в более поздних былинах об Александре Поповиче место ничтожного киевского князя Мстислава Романовича, которому служит Александр Попович, занимает идеализированный русской летописью, книжностью и народом в целом Владимир Мономах, родоначальник московских великих князей. На службе у Владимира Мономаха Александр Попович удачно обороняет Киев от половцев, как когда-то оборонял своего ростовского князя Константина, а затем Мстислава Романовича.

Последний этап в развитии былин об Александре Поповиче, засвидетельствованный летописью, застаёт его при главной притягательной и центральной фигуре Киевской Руси — Владимире I Святославиче, совместно с другими русскими богатырями защищающим Киев от печенегов.

Таким образом, развитие былинных сюжетов об Александре Поповиче идёт параллельно развитию и росту общенародного самосознания. Русский эпос собирается вокруг Киева и Владимира, как русские земли собирались вокруг Москвы и московского князя. Это была всё та же всепроникающая идея обращения ко временам национальной независимости, которая пронизала в конце XIV и XV вв. всю русскую политическую жизнь, всё русское искусство, всю русскую литературу.

Эпические произведения идеализировали события и героев, которые были дороги для народного самосознания. Владимир стал представителем всего русского народа; он борется и с татарами, которые заслонили в сознании русских более ранних врагов Руси.

Так же точно создавался и цикл Карла Великого во французском эпосе. Грандиозная фигура Карла Великого стала представительницей всей «милрой Франции». Карл «ведёт войны с язычниками-саксами, но его тень потревожили и для старрой борьбы с сарацинами».¹

Можно думать, что это соединение в единый киевский цикл русских былин, в отдельности возникших в разное время и частично ещё в Киевской Руси, произошло не позднее конца XV в. до присоединения Новгорода к Русскому государству. Вот почему новгородские былины (о Садко, о Василии Буслаевиче и др.) в громадном большинстве случаев не вошли в киевский цикл, сохранив вместе с тем все отличительные новгородские особенности своего содержания.

Мы проследили один из путей сложения русских былин в единый цикл вокруг Киева и его князя Владимира. Владимир и Киев вытеснили в былинах все другие города и всех других князей не потому, что забылись местные князья и местные центры, а в тесной связи с историческими воззрениями народа. Эта мысль была в своё время выражена замечательным русским учёным Ф. Буслаевым, называвшим русский народный эпос «выражением исторического самосознания народа».²

¹ Вступительная статья А. Н. Веселовского к переводу «Романа о Тристане и Изольде», Л. 1938, стр. 38—39.

² Ф. Буслаев, Рецензия на работу О. Миллера «Илья Муромец и богатырство Киевское», журнал Министерства народного просвещения, 1871, № 4, стр. 217.

V. ЛИТЕРАТУРА

Несмотря на общий упадок русской культуры в эпоху татаро-монгольского ига, нить литературного развития ни разу не прерывалась. Традиции литературы киевского периода жили в Москве то притухая, то вспыхивая вновь, и сыграли решающую роль в идеологической подготовке создания русского национального государства. Даже в самые тяжёлые для Руси годы литературная работа продолжала теплиться по различным городам и, замирая в одном городе, подхватывалась в другом.

В исходе XIV в. Москва постепенно становится крупнейшим средоточием литературных сил, ещё раньше, чем она стала средоточием русской государственности. Конец XIV и первая половина XV в. были временем идеологической подготовки создания русского национального государства. Возрождение всех сил русского общества, его культурных традиций шло под знаком восстановления произведений времени национальной независимости. Куликовская битва, роль которой в этом возрождении была подобна роли Полтавской победы, была настоящей вдохновительницей этой эпохи. Не случайно, что именно вокруг неё создаются лучшие литературные произведения того времени.

В поисках героического стиля для этой темы книжники Москвы обращаются к Слову о полку Игореве и к народной поэзии.

Вместе с тем со всё более и более нарастающей силой русская литература пронизывается единой темой государственного и национального строительства. Ни одна литература народов Западной Европы никогда не была так властно подчинена задачам растущей государственности, как литература русская. В этом её пафос и величие.

XIV век отмечен возрождением письменности и литературы в ряде славянских стран. Литературный подъём намечается и в Сербии, и в особенности в Болгарии, где рост письменности сопутствует росту политического могущества при царе Иоанне-Александре. На Руси усиленное развитие письменности было следствием возвышения Москвы.

Во всех трёх странах — на Руси, в Сербии и в Болгарии, поддерживавших между собою тесное культурное общение, возникает своеобразное и единое литературное направление, отразившее собою общий народный подъём славянских народов. Вырабатывается жанр витиеватых и пышных «похвал», первоначально обращённых к славянским святым, покровительствовавшим победам соотечественников. В Болгарии эти первые похвалы составляются Иоанну Рыльскому и Илариону Могленскому; в России одно из первых произведений этого нового литературного течения посвящено великому организатору Куликовской победы — Дмитрию Донскому (слово «О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»). Наконец, новый стиль резко сказывается в переводах именно исторических произведений (в хронике Манассии, в «Троянской притче» и др.), интерес к которым неизменно растёт с общим подъёмом национального самосознания русского народа.

Новое литературное движение выработало литературные вкусы, определившие форму и содержание литературных произведений двух ближайших столетий. Это движение было чрезвычайно сложным. Оно было связано с идеями эпохи Предвозрождения, с пробудившимся интересом к человеческой личности, с начавшимися в XIV в. в Византии усиленными занятиями классической древностью и с филологической учёностью своего времени. Новое литературное направление опиралось на особые работы по грамматике, по стилистике, по выработке сложной книжной литературной речи. Оно было связано с попытками унифицировать орфографию, самый почерк рукописей и с громадной переводческой работой: на славянские языки делаются многочисленные переводы с греческого, пересматриваются и исправляются старые переводы.

В результате всей этой огромной совместной работы славянских учёных были выработаны литературные прин-

щины, способные передать пышность, торжественность тем и подъём чувств своего времени. Последователи нового литературного направления сосредоточивают своё внимание по преимуществу на стиле, на сложных синтаксических конструкциях речи, на закруглённости и ритмичности языка. Искусственные книжные предложения с причастными оборотами, инверсиями и т. д. переполняют собою литературную речь этой поры. Существенное значение приобретает самое звучание фразы: произведения очень часто пишутся для произнесения вслух в торжественной обстановке. Писатели стремятся к созданию новых слов со сложными отвлечёнными значениями, пользуются перифразами, заменяющими прямое название вещи описательным, вводят слова иностранных языков, сложные богословские и учёные термины, многосоставные слова: «окорадостной», «тяжкоумный», «звероименный», «духодвижный», «многомутный» и т. д. Особенно охотно писатели этой поры стремятся передать греческие конструкции фраз и зачастую дают буквальные переводы многосоставных греческих слов.

Литература становится риторичной. Авторы ораторствуют в своих произведениях, предпосылают им пространные введения, прерывают повествование нравоучительными замечаниями, восклицаниями, вкладывают в уста действующих лиц длинные речи и т. д.

Новая литературная школа привела к усиленному развитию литературного языка, к усложнению синтаксиса, к появлению многих новых слов, в особенности для выражения отвлечённых понятий. В этом росте русского литературного языка стираются местные, областные различия и создаётся конкретная почва для объединения всей русской литературы. С трудами представителей нового литературного направления литература и книжность окончательно теряют черты феодально-областной ограниченности и приобретают общенародный русский характер.

Вместе с тем в новой литературной школе проявляются первые проблески идей и настроений Предвозрождения. Интерес к человеческой личности, к её переживаниям и психологии, типичный для писателей Предвозрождения, даёт себя чувствовать в новых произведениях XIV—XV вв. Писатели этой поры считают необходимым давать внутреннюю психологическую мотивировку действий своих героев. В длинных вымышленных речах действующие лица раскрывают перед читателем своё душевное состояние.

Сама биография святого (его «житие») рассматривается как история его внутреннего развития.

Наконец, важной особенностью новой литературной школы явился своеобразный сентиментализм. Произведения почти всегда рассчитаны на создание известного настроения. Отсюда многочисленные повторения «умилительных» мест, обычно шаблонных, переходящих из произведения в произведение. Отсюда обилие в произведениях этой поры плачей, частых молитвенных обращений, трогательных сцен прощания перед смертью, описаний дружбы, привязанностей, картин идиллической простоты скитской жизни и т. д. Этот условный психологизм и сентиментализм литературы конца XIV — начала XV в. тесно связан с аналогичным явлением в области русской живописи той же эпохи. Условная психологичность образов живописи Феофана Грека явилась выражением тех же предвозрожденческих идей, что и «психологичность» новой литературной школы. «Умильности» московской литературы начала XV в. соответствует «умиленность» произведений величайшего живописца русского средневековья — Андрея Рублёва.

Среди книжных людей начала XV в., связанных с новой литературной школой, выделяется оригинальная творческая индивидуальность русского монаха Епифания, прозванного за свою начитанность и литературное умение «Премудрым». Епифаний долго путешествовал на Востоке, прекрасно знал греческий, а возможно, и другие языки.

Начитанность Епифания, отразившаяся в его сочинениях, поразительна. Епифаний отлично знает произведения современной ему и прошлой церковно-учительной, богословской, житийной и исторической литературы. В составленных им «житиях» обильно включены сведения энциклопедического характера, рассуждения о пользе чтения книг, десятки географических названий, имён учёных и писателей. Учёность Епифания наглядно свидетельствует о высоком уровне образованности на Руси в начале XV в.

Цветистую ораторскую новую литературную манеру Епифаний довёл до пределов пышности. Нагромождение стилистических ухищрений иногда подавляет читателя. Для характеристики какого-нибудь качества действующего лица Епифаний подбирает сразу до двух десятков эпитетов, создаёт новые сложные слова и термины. Вместе с тем Епифаний достигает исключительного мастерства в лирических отступлениях, в создании ритмической прозы.

Однако, в отличие от южнославянских и завожих на Русь литературных талантов его эпохи (как, например, Пахомия Серба), Епифаний проявляет значительный интерес к историческому элементу своих произведений, в чём отразился общий «историзм» русской средневековой литературы. Его послание о Феофане Греке богато фактическими данными, касающимися биографии и творчества художника. Также относительно богаты фактическими сведениями и два важнейших обширных произведения Епифания, посвящённые жизнеописанию двух крупнейших святых и политических деятелей второй половины XIV в.: Стефана Пермского и Сергия Радонежского.

В житии Сергия Епифаний говорит и об общественной деятельности святого, об его участии в делах государства; а в житии Стефана Пермского особенно хвалит последнего за просветительную деятельность и изобретение пермской (зырянской) азбуки.

2

Куликовская битва, принёсшая с собой общий народный подъём, вызвала большое число различных произведений: летописных, житийных, повествовательных, фольклорных. Четыре произведения одно за другим возникли в конце XIV — начале XV в. на основе песен и рассказов о «Мамаевщине».

Первоначально возникли две летописные повести о Куликовской битве: краткая и пространная. Затем, после смерти Дмитрия Донского (1389), создаётся слово «О житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». Цель составления её — окружить ореолом святости род московских великих князей и тем способствовать укреплению его престижа. Она помогала идеологически закрепить уже достигнутые успехи московской политики. В пространной похвале, составленной в новой литературной манере, Дмитрий называется «высокопаривым орлом», «огнем, попяляющим нечестие», «ветром, плевели развеваяющим», «трубой спящим», «воеводой мирным», «венцом победе», «кораблем богатству» и т. д.

Разительной особенностью этого произведения явилось использование в нём народных причитаний. Плачу вдовы Донского — княгини Евдокии — были найдены в народной поэзии многочисленные и очень близкие параллели: «Солнце мое, рано заходиши, — плачет вдовая княгиня по

Дмитрии, — месяц мой красный, рано погибаеши, звездо восточная, почто к западу грядеши»; или: «старые вдовы, потешите меня, а младыя вдовы плачите со мною, вдовыя бо беда горчае всех людей».

Крупнейшее произведение начала XV в. о Куликовской битве — «Задонщина», названная так по месту битвы на Куликовом поле «за Доном».

Уже первые повести о Куликовской победе, возникшие вскоре после событий 1380 г., характеризуются поисками героического стиля, способного отобразить величие события, и поиски эти привели к лучшим произведениям домонгольской эпохи — эпохи национальной независимости: к произведениям Илариона, к народной поэзии, к Повести временных лет. В «Задонщине» этот героический стиль был найден: он явился как сочетание художественной манеры Слова о полку Игореве и народной поэзии. Автор «Задонщины» верно ощутил поэзию Слова о полку Игореве, не ограничившись только поверхностными заимствованиями, сумев изложить героические события Куликовской победы в той же художественной системе, в том же художественном замысле, создав произведение большой эстетической силы. По характеристике исследователя «Задонщины» С. К. Шамбинаго, все заимствования из Слова о полку Игореве сделаны в «Задонщине» «в высшей степени искусно, взяты в меру, помещены у места, служат умелым украшающим дополнением к весьма искусному произведению».

«Задонщина» по существу представляет собою обширное прославление русской победы. Прославление это соединяется в «Задонщине» с элегической печалью по павшим. По выражению автора «Задонщины» — это «жалость и похвала»: жалость по убитым, похвала живым. Моменты славы и восхваления удачно сочетаются в ней с мотивами элегических плачей, радость — с «тугой», грозные предчувствия — со счастливыми предзнаменованиями и т. д. Естественно, что для своего замысла автор «Задонщины» не мог найти лучшего образца, чем Слово о полку Игореве.

Однако использование Слова о полку Игореве сказывается не только в литературной манере автора «Задонщины». Обращение к Слову о полку Игореве стоит в связи с исторической концепцией «Задонщины», свидетельствует о чрезвычайной интенсивности исторической мысли начала XV в., о глубине и оригинальности художественного замысла «Задонщины». Автор «Задонщины» имел в виду не только использование художественных со-

кровищ величайшего произведения древней русской литературы, но вполне сознательное сопоставление самих событий прошлого и настоящего, событий, изображённых в Слове о полку Игореве, с событиями современной ему действительности. С точки зрения автора «Задонщины», Слово о полку Игореве повествует о начале татаро-монгольского ига, кончившегося после Куликовской победы.

События «Слова» и события «Задонщины» во многом схожи между собой, но битва на Каяле противостоит битве на Дону как начало обширного периода чужеземного ига его концу. Начало и конец «жалости земли русской» (так называет автор «Задонщины» татаро-монгольское иго) во многом схожи, но во многом и противоположны. События сопоставляются и противопоставляются на всём протяжении «Задонщины». В этом сближении событий прошлого и настоящего — пафос исторического замысла «Задонщины», отразившей обычное в исторической мысли конца XIV — начала XV в. сближение борьбы с половцами и борьбы с татарами как двух этапов единой, по существу, борьбы со степью, с «диким полем», за национальную независимость.

Центральный момент и в Слове о полку Игореве и в «Задонщине» — битва с «погаными». И в «Слове» и в «Задонщине» битва драматично развёрнута в двух эпизодах, но в «Задонщине» последовательность этих эпизодов обратна последовательности их в «Слове». В Слове о полку Игореве исход первой половины битвы счастливый, второй — печальный. В «Задонщине» наоборот: первая половина грозит разгромом русскому войску, вторая приносит ему победу. В Слове о полку Игореве грозные предзнаменования сопровождают поход *русских* войск — волки грозу сулят по оврагам, орлы клетком на кости зверей зовут, лисицы лают на багряные щиты русских. В «Задонщине» те же зловещие знамения сопутствуют походу *татарского* войска: птицы под облака летят, вороны часто грают, а галицы свою речь говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы на костях брешут.

В Слове о полку Игореве «дети бесови» (*т. е. половцы*) кликом поля перегородили; в «Задонщине» же *русские* сыны широкие поля кликом огородили.

В «Слове» черна земля под копытами была посеяна костями *русских*; в «Задонщине» же черна земля под копытами костями *татарскими* была посеяна.

В «Слове» кости и кровь русских, посеянные на поле битвы, всходят «тугою» по *русской земле*; в «Задонщине» же восстала земля «*татарская*», бедами и «тугою» покрывшись.

В «Слове» *тоска* разлилась по русской земле; в «Задонщине» же по русской земле простёрлось *веселие* и *буйство*.

В «Слове» поганые приходили со всех сторон с победами на землю русскую; в «Задонщине» же сказано о татарах, что уныло царей их веселие и похвальба на русскую землю ходить.

В «Слове» готские красные девы звенят «*русским*» золотом; в «Задонщине» же русские жёны восплескали «*татарским*» золотом.

«Туга», разошедшаяся в Слове о полку Игореве после поражения по всей русской земле, сходит с неё в «Задонщине» после победы русских. То, что началось в «Слове», кончилось в «Задонщине». То, что в «Слове» обрушилось на русскую землю, в «Задонщине» обратилось на её врагов.

Особенно удачно противопоставление в «Задонщине» полдневного жаворонка «летней птицы, красных дней утехе» полночному соловью в «Слове», противопоставление, отражающее общее светлое содержание «Задонщины» сравнительно с элегическим содержанием «Слова».

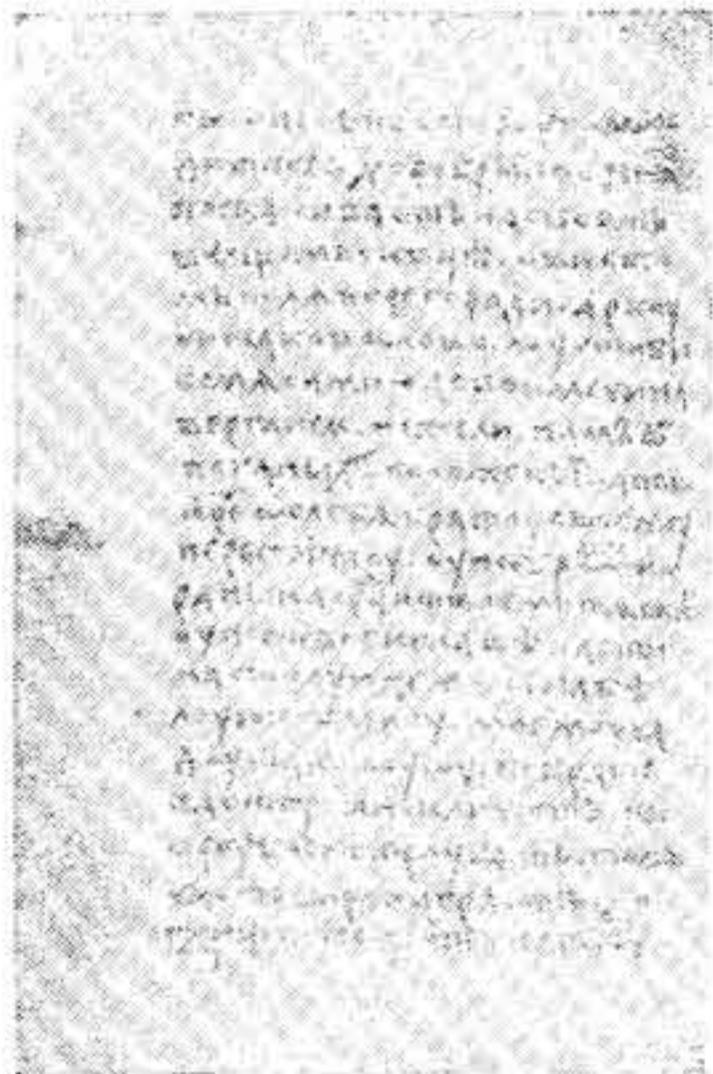
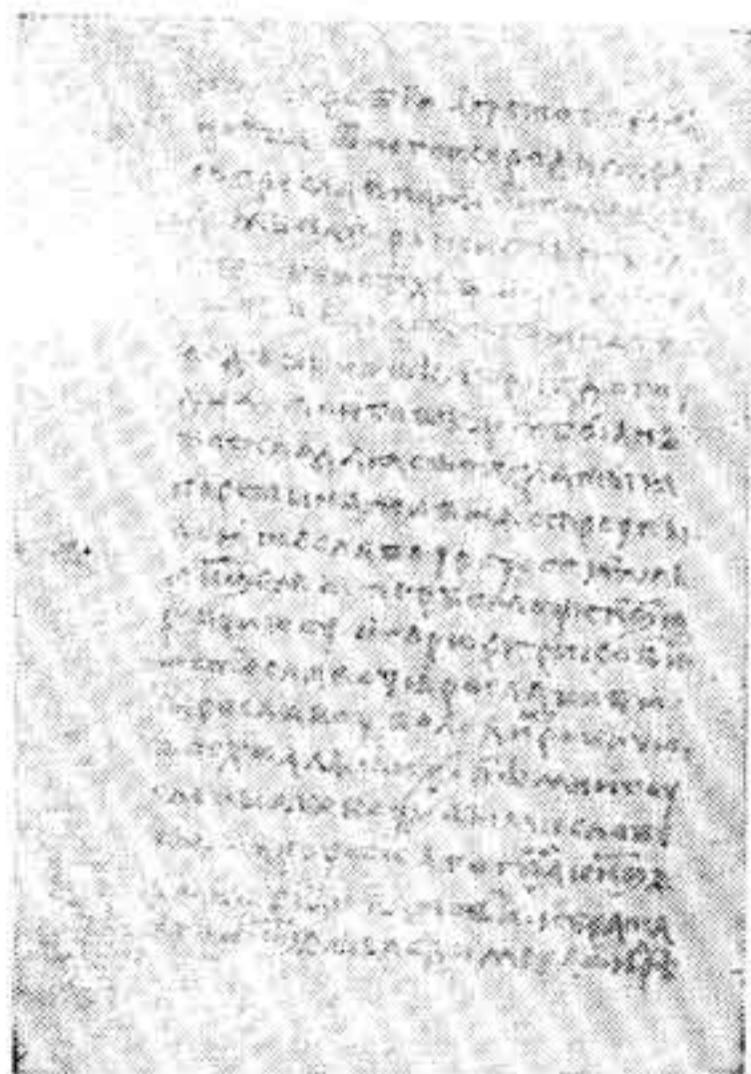
Начало того исторического периода, с которого русская земля «сидит невесела», автор «Задонщины» относит к битве на Каяле, в которой были разбиты войска Игоря Северского. «Задонщина» повествует, следовательно, о конце эпохи «туги и печали» чужеземного ига, о начале которой повествует Слово о полку Игореве.

Центральная идея «Задонщины» — идея отплаты. Куликовская битва рассматривается в «Задонщине» как отплата за поражение, понесённое войсками князя Игоря на Каяле, сознательно отождествляемой автором «Задонщины» с рекой Калкой, поражение на которой в 1224 г. явилось первым этапом завоевания Руси татарами. Вот почему в начале своего произведения автор «Задонщины» приглашает братьев, друзей и сынов русских собраться, составить слово к слову, возвеселить русскую землю и ввергнуть печаль на восточную страну, на страну исконных врагов русских — татаро-половецкую степь, провозгласить победу над Мамаем, воздать похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу.

Сопоставляя события прошлого с событиями своего времени, автор «Задонщины» тем самым ориентировал и

само Слово о полку Игореве на современность, придавал новое злободневное звучание его содержанию, давал новый смысл призывам Слова о полку Игореве к единению, во многом проделывая ту же работу, что и московские летописцы, введившие в обращение аналогичные идеи Повести временных лет. Идеи эти сыграли существенную роль в объединительной политике московских князей, в истории сложения русского национального государства.

Сложный художественный замысел «Задонщины» отчётливо свидетельствует о высокой литературной культуре

Рукопись «Задонщины» Кирилло-Белозерского монастыря 1473 г.

Москвы. Это замысел, в котором тонкая историческая мысль находит исключительно оригинальное художественное разрешение. Это произведение, написанное учёным для учёных же и литературно искушённых читателей.

В половине XV в. было создано ещё одно произведение на ту же тему, получившее чрезвычайное распространение на Руси в XV, XVI и XVII вв.: «Сказание о Мамаевом побоище». Оно неоднократно переделывалось впоследствии, и соотношение его редакций составляет один из самых сложных вопросов изучения древнерусской литературы.

Содержание событий подверглось здесь значительному оцерковлению. Изложение прерывается нескончаемыми молитвословиями, морализированием, благочестивыми рассуждениями. Моральные оценки татар и русских усилены; краски даны слишком резко; контрасты увеличены. Победа изображена как неизбежная, отчего «Сказание» теряет в занимательности. Гордость и злоба татар резко противопоставлены смирению русских. Всё повествование окрашено типичным для XV в. сентиментализмом: оба брата — Дмитрий Донской и Владимир Серпуховской — нежно любят друг друга и т. д. Художественные описания в «Сказании» заимствованы из «Задонщины», но образы Слова о полку Игореве потеряли уже свою связь с замыслом всего произведения в целом.

Ценность «Сказания» — в тех новых эпизодах, которые оно даёт сравнительно с предшествующими произведениями о Мамаевщине. В основе некоторых из них лежат, очевидно, заимствования из народной поэзии, из каких-то эпических народных произведений о Куликовской битве. Таков, например, эпизод единоборства монаха — богатыря Пересвета с татарским исполином. Таков и эпизод с гаданием: в тёплую и ясную ночь перед боем князь Дмитрий со спутником Дмитрием Волынцем выезжают в поле гадать по приметам о грядущей битве: они прислушиваются к земле, к крикам зверей и птиц, присматриваются к огням обоих станов.

3

Куликовская победа послужила толчком для создания ряда литературных произведений о борьбе с татарами. Тема борьбы с чужеземным игом становится излюбленной темой русской литературы. В XV в. перерабатываются в сложные литературные произведения многочисленные народные предания о борьбе с татарами, сохранившиеся в Твери, Рязани, Смоленске и в других русских городах.

В переработанном виде древние рязанские предания о татаро-монгольском нашествии сохранились в «Повести о приходе Батыевой рати на Рязань» второй половины XV в.

«Повесть» представляет собою соединение нескольких сказаний, более или менее разнохарактерных по содержанию и стилю. Она открывается сказанием «О приходе чудотворного Николина образа Зарайского», представляющим собой типичное сказание о местной святыне. Вторая

часть «Повести» рассказывает о происхождении названия города Зарайска и сразу вводит читателя в обстановку «Батыевой рати».

В 1237 г. рязанский князь Фёдор Юрьевич был убит «на реке на Вороняже» полчищами Батыя. Это была первая встреча русских с Батыевой ратью в пределах Рязанского княжества. Узнав о смерти своего мужа, княгиня Евпраксия бросилась с сыном «с превысокого терема» и «заразися до смерти». Место это и было названо «Зарайском».

В следующей за сказанием «Повести о разорении Рязани» рассказ о Фёдоре Юрьевиче Рязанском приводится с некоторыми изменениями, возможно, фольклорного происхождения. Во время переговоров с Фёдором Юрьевичем Батый, по наущению своего приближённого, рассказавшего ему о красоте жены русского князя, требует от последнего, чтобы тот выдал её ему на ложе. Князь, усмехнувшись, ответил: «не пристойно нам водить своих жен на блуд к нечестивому царю; одолеешь, так начнешь владеть женами». Батый приказал убить Фёдора Юрьевича, а тело его бросить на растерзание зверям и птицам. Затем повторяется рассказ о трагической гибели Евпраксии, не захотевшей пережить мужа.

Дальнейшее содержание повести также изобилует народно-песенными мотивами и, очевидно, возникло на основе каких-то эпических преданий. Удальцы и резвцы рязанские, сражаясь, пересаживаются с коней на кони, хватают татарское оружие, когда притупляется своё, разрубают врагов до седла, бьются «един с тысящею, а два с тмою» (т. е. с десятью тысячами). Татары дивятся их мужеству. В отличие от предшествующих сказаний огромная роль в героических событиях отводится горожанам и дружине. Рязанские воины на всём протяжении повести называются то «удальцы и резвцы, узорочье и воспитание рязанское», то «богатство рязанское», то «узорочье нарочитое», то «воеводы крепкие» и т. д. Между князем и дружиной существуют отношения полного единоличия. Князь ласково обращается к своей дружине: «братие моя милая, дружина ласкова, узорочье и воспитание рязанское».

Рязань защищают простые горожане. Героизм осаждённых подчёркивается тем, что «батыево же войско преме-няшеса, а гражане непременно бяхуся». Вместе с тем повесть осуждает русских князей за то, что «ни един» из них «друг другу не поиде на помощь».

Жестокие пытки и беспощадное истребление, которым подверг Батый население Рязанской земли, подчёркивают в повести мужество сопротивления. «Дым и земля и пепел» остались после прохода полчищ Батыя. Страшный разгром показан описанием разорённой Рязани и поля битвы, где «на земле песте, на траве ковыле снегом и ледом померзоша», терзаемые зверями и птицами, лежали «многие князи местные и бояре и воеводы и все воинство и крепкие многие удалцы и резвцы, узорочье и воспитание рязанское». Образ общей смертной чаши как рефрен настойчиво повторяется в повести. О смертной чаше, испить которую пришёл перед битвой черёд князю и дружине, говорят перед боем князь: образ смертной чаши доминирует в плачах; он развивается в образ боя-пира; им подчёркивается равенство всех: «и не оста в граде ни един живых, — говорится о Рязани, — вси *равно* умроша, и *едину* чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюша, ни плачуша. И ни осцу (отцу) и матери о чадах, или чадом о отци и матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но *вси вкупе* мертвы лежаща». Поэзия псалмов, вводимая путём цитат, усиливает впечатление трагизма.

Один из эпизодов повести целиком обязан своим происхождением фольклору. Рязанец «неистовый Еупатий», «исполил силою», во время прихода Батыя случайно оказался в Чернигове вместе со своим князем Ингварем Ингоревичем. Услышав о приходе Батыя, Евпатий «с малою дружиною» вернулся в Рязань «и увиде град разорен, государи побиты, и множество народа лежаще, ови побити и посечени, а ини позжены, ини в рече истоплены», распалился «в сердце своем», собрал небольшую дружину из тех, «которых бог соблюде», и погнался вслед за Батыем, «хотяще пити смертную чашу с своими государьми равно». Нагнав Батыя в Суздальской земле, Евпатий внезапно напал на его станы и начал сечь татар без милости. Когда тупился меч в руках у Евпатия, он брал татарские. Смятенные татары стояли «яко пьяни», думая, что восстали мёртвые. Едва смогли татары поймать из рати Евпатия пять человек, «изнемогших от великих ран». По-былинному спрашивает их Батый: «Коя веры есте и коя земля и что мне много зла творите» и по-былинному отвечают ему рязанцы: «веры крестиянския есве, храбры (богатыри) великаго князя Юрья Ингоревича Рязанского, а от полку Еупатиева Коловрата, посланы от князя Ингваря Ингоревича Рязанскаго тебя сильна царя

почтити и честно проводитьи, и честь тебе воздати, да не подиви царю не успевати наливати чашу на великую силу рать татарскую». «Царь же подивися ответу их мудрому».

Шурин Батыя Хостоврул похвалился Евпатия «жива пред царя привести». Евпатий рассек Хостоврула «на полы до седла и начаша сечи силу татарскую и многих тут нарочитых богатырей батыевых побил, ових на полы пресекше, а иных до седла крояше». Убить Евпатия татарам удалось лишь из метательных машин — «сточисленных пороков». Тело Евпатия принесли Батыю, который тотчас послал «по мурзы, и по князи, и по санчакбеи, и начаша дивитися храбрости и крепости и мужеству рязанскому господству». «Мы со многими цари во многих землях на многих брапех бывали, — говорили татары, — а таких удальцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылати и не имеющие смерти». Выдав тело Евпатия остаткам его дружины, Батый так о нём отзывается: «Аще бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего».

К тому же типу литературных произведений второй половины XV в. о борьбе с татарщиной, представляющих собою переработку местных преданий, относится и «Повесть о Меркурии Смоленском». Повесть эта рассказывает о нападении Батыевой рати на Смоленск и о мужественной защите города юношей Меркурием. Как орёл, по воздуху летая, проносится Меркурий по полкам Батыя, посекая его войско. Одержимый страхом, Батый бежит от города. Разбив врагов и исполнив тем своё назначение в мире, Меркурий гибнет от меча «прекрасного воина» — ангела, отсекающего ему голову.

Во всех этих повестях XV в. о борьбе с татарами с необыкновенной силой сказывается твёрдая уверенность русских в своём моральном превосходстве над врагами: мужество и удаль русских воинов безграничны, лишь численный перевес может дать татарам победу.

4

Ко времени княжения Ивана III относится установление культа «покровителей московских государей» — Петра и Февронии муромских.

В 1446 г. в главном муромском соборе Рождества богоматери у гроба Петра и Февронии рязанский епископ Иона принял на свою епитрахиль с рук князя Ивана Рязанского детей великого князя Московского Василия

Тёмного — Юрия и Ивана (будущего Ивана III), гонимых Шемякою.

В связи с этим событием Пахомий Логофет составил канон Петру и Февронии, а впоследствии сам Иван III, его сын Василий III и внук Иван Грозный всячески чтили Петра и Февронию как своих «покровителей» и неоднократно приезжали в Муром на поклонение их гробу.

Замечательно, что повесть о Петре и Февронии отражает общие демократические и антибоярские устремления Русского государства конца XV—XVI вв. Вместе с тем изящно и неторопливо рассказанная история любви муромского князя Петра и простой мудрой крестьянской девушки Февронии, близкая и деталями и общим духом рыцарственной любви «до гроба» к известному старофранцузскому роману о Тристане и Изольде, свидетельствует о высокой культуре личных человеческих отношений в XV—XVI вв.

Первое появление в повести девушки Февронии запечатлено в зрительно отчётливом образе. Её находит в простой крестьянской избе посланец заболевшего злою болезнью князя Петра, отравленного ядовитой кровью убитого им змея. В бедном крестьянском платье Феврония сидела за ткацким станком и ткала полотно, а перед нею скакал заяц. Своими мудрыми ответами она изумляет посланца и обещает помочь князю. Сведущая в целебных снадобьях, Феврония излечивает Петра, как Изольда излечивает Тристана, заражённого кровью убитого им дракона.

Несмотря на препятствия, князь женится на крестьянской девушке Февронии. Как и любовь Тристана и Изольды, любовь Петра и Февронии преодолевает иерархические преграды феодального общества и не считается с мнением окружающих. Вассалы короля Марка также требуют изгнания Изольды, как бояре Петра — изгнания Февронии. Чванливые жёны бояр невзлюбили Февронию. Они наговаривают князю, что она бесчинно держит себя за столом, как нищая, собирая хлебные крохи. Но когда Петр разжимает руку Февронии, чтобы удостовериться в словах бояр, в ладони у неё оказываются благоуханный ладан и фимиам.

Снова требуют бояре, чтобы Феврония не господствовала над их жёнами. На пиру «одержимые неистовством» бояре просят Февронию покинуть Муром. Феврония не стала возражать, но в свою очередь просит бояр испол-

нить и её просьбу. Бояре с радостью согласились, и Феврония просит, чтобы с нею отпустили и её мужа — Петра. Пренебрегая своею княжескою властью, Пётр уплывает вместе с Феврониею вниз по Оке. На корабле Феврония поражает окружающих своею чудодейственностью: палки, воткнутые в землю, расцветают в деревья по её благословению и т. д.

Без Петра и Февронии в Муроме начинается междоусобная борьба бояр за власть. Отчаявшиеся бояре присылают к Петру и Февронии с просьбой вернуться в Муром. Пётр и Феврония возвратились и княжили в Муроме как чадолобивые отец и мать, равно любя всех своих людей.

Когда Пётр и Феврония почувствовали приближение смерти, они стали просить у бога, чтобы умереть в одно время, и приготовили себе общий гроб, велев сделать в гробу лишь перегородку. После того они приняли монашество в разных монастырях. И вот, когда Феврония вышивала для храма богородицы «воздѹх» (покрышку для чаши), Петр послал ей сказать, что он умирает, и просил её умереть с ним вместе. Но Феврония просит дать ей срок дошить воздѹх. Вторично послал к ней Пётр, велев сказать: «уже мало пожду тебя». Наконец, посылая в третий раз, Пётр говорит ей: «уже хочу преставиться (умереть) и не жду тя». Тогда Феврония, которой осталось дошить лишь ризу святого, воткнула иглу в воздѹх, обвертела о неё нитку и послала сказать Петру, что готова умереть вместе с ним. Так Тристан оттягивает час своей кончины. «Срок близится, — говорит Тристан Изольде, — разве мы не испили с тобою все горе и всю радость. Срок близится. Когда он настанет, и я позову тебя, Изольда, придешь ли ты?» — «Зови меня, друг, — отвечает Изольда. — Ты знаешь, что я приду».

После смерти Петра и Февронии люди положили тела их в отдельные гробы, но на следующий день тела их оказались в общем, заранее приготовленном, гробу. Люди второй раз попытались разлучить Петра и Февронию, но снова тела их оказались вместе, и после этого их уже не смели разлучать. Так же точно в победе любви над смертью Тристан спускается на могилу Изольды цветущим терновником.¹

¹ В некоторых вариантах тела Тристана и Изольды оказываются в одном гробу.

Этим заканчивается трогательный рассказ о любви князя и крестьянки, которых не могли разлучить ни бояре, ни сама смерть.

5

Выход Русского государства во второй половине XV в. на мировую историческую арену и укрепление его международного положения отразились в русской литературе многочисленными произведениями, посвящёнными событиям истории иноземных государств, имевшим непосредственное или косвенное отношение к России. Помимо хронографов, излагавших мировую историю, во второй половине XV в. появляется обширная повесть о взятии Царьграда турками, повесть о Мутьянском воеводе Дракуле, различные сказания о Ферраро-Флорентийском соборе, описания путешествий на Афон, в Иерусалим, в Константинополь, во Флоренцию. Торговый человек — гость Василий оставил нам записки о своём путешествии в Иерусалим. Тверской купец Афанасий Никитин на 30 лет раньше Васко да Гама проник в Индию и составил замечательное описание своего «Хождения за три моря», включённое затем в летопись.

Распространённая в многочисленных списках, повесть о взятии Царьграда написана неким русским Нестором-Искандером, находившимся в плену у турок и бывшим свидетелем ожесточённой осады Константинополя в 1453 г. Повесть написана человеком высокой писательской культуры. Своею строфичностью, выраженной в делении на повторяющиеся эпизоды и картины, она напоминает Слово о полку Игореве. Отдельные эпизоды, по верному замечанию академика А. С. Орлова, заимствованы из средневековых переложений Илиады Гомера. Повесть проникнута повышенным лиризмом и насыщена пафосом героической борьбы мировой столицы за свою независимость. Описания подкопов, взрывов, страшных бомбардировок, ожесточённых приступов, богатырских схваток волновали своею близостью к тревожным русским военным событиям того времени, внушали сочувствие мужеству сопротивления греков, отвечали интересам русских читателей к воинским повестьям.

Повесть о взятии Царьграда представляла интерес для русского читателя и своим политическим смыслом: русских интересовали причины внутренней слабости Византии, обусловившие её разгром. Русские видели эти причины в

потере чистоты религии, а с другой стороны — в бессилии византийского единогодержавия. Известный публицист XVI в. Иван Пересветов, чьё «Сказание о царе турецком Махмете» было помещено в летописи непосредственно за Повестью о падении Царьграда, прямо говорит, что «вельможи царевы» ради личного обогащения продавали правосудие и мешали византийскому императору Константину ввести в государстве необходимые исправления.

Вместе с тем национальное самосознание России во второй половине XV в. уже настолько возросло, уверенность в своих жизненных силах настолько окрепла, что русские сознавали себя способными продолжить всемирно историческую роль Византии как второго Рима. Повесть о взятии Царьграда включала предсказание Льва Премудрого о грядущем освобождении Царьграда «русым» народом, в котором и автор Повести и русские её читатели усматривали русских.

6

Конец XV — начало XVI в. — время великих географических открытий. Это — время Христофора Колумба и Васко да Гама. Тот же интерес к открытию ещё не изведанных стран был характерен и для России. Русские «землепроходцы» ещё в XV в. проникли в Персию, в Сибирь и в Китай.

Особенно интенсивны были в конце XV в. поиски торгового пути в Индию — притягательный центр средневековья. Мечтою об «Индии богатой» жило всё европейское средневековое общество. В Западной Европе и на Руси бытовало много сказаний об Индии, о её богатствах, о её фантастическом идеальном государстве. Десятки предприимчивых людей стремились открыть путь в Индию. В Индию же пытался проникнуть и Христофор Колумб. Морской путь в Индию был открыт португальцем Васко да Гама в 1498—1502 гг. Однако ещё в 1466—1472 гг. тверской купец Афанасий Никитин, кратчайшим, сухим путём прошёл в Индию и оставил о ней деловитые и обстоятельные записки: «Хождение за три моря».

На основании небольшой заметки историко-изыскательного характера, которая обычно помещается в летописи перед записками Афанасия Никитина, и сведений, имеющих в самих записках, можно установить следующее: купец Афанасий Никитин выехал в 1466 г. из Москвы вместе с русским послом Василием Папиным в Шемаху.

Афанасий Никитин спустился вместе с посольством вниз по Волге до Астрахани, где один из его кораблей был захвачен разбойниками, а другой разбила буря у берегов Каспийского моря. Несмотря на потерю кораблей и товаров, Никитин с товарищами продолжал путешествие «голыми головами». Сухим путём Никитин добрался до Дербента, перебрался в Персию и морем проник в Индию. В Индии Афанасий пробыл три года и через турецкие земли (через Трапезунд) и Чёрное море вернулся в 1472 г. в Россию, но, не доезжая Смоленска, умер. Его записки («тетради») были доставлены купцами в Москву к дьяку великого князя Ивана III Василию Мамыреву и включены в летопись.

Персидские земли описаны Афанасием Никитиным кратко: повидимому, они были хорошо известны русским купцам и не представляли особого интереса для путешественника. В Чувиле (Чауле), куда Афанасий Никитин прибыл морем, он получил первые впечатления от Индии: люди ходят нагие, не покрывая ни головы, ни груди, волосы заплетают в одну косу. Князь их носит покрывало на голове и на бёдрах; бояре ходят с фатой на плече, а другой на бёдрах; слуги княжеские с фатой на бёдрах, со щитом и мечом в руках, а иные с копьями, с ножами или с луками и стрелами. Жонки не покрывают волос, ходят с голыми грудями, все голы, босы и чёрны: «яз хожу куды, ино за мною людей много, дивятся белому человеку».

Афанасий Никитин объездил всю Индию. Он побывал и в священном городе Индии Парвате, описал местные религиозные обычаи.

Побывал Никитин не раз и в столице тогдашней Индии — Бедере (Бидар): здесь торгуют конями, камкой, шёлком и другим подобным товаром, чёрными людьми, съестными вещами, овощами — для русской земли товара тут нет. Двор бедерского султана окружён стенами с семью воротами. В воротах сидят по сту сторожей да по сту писцов, которые записывают имена всех входящих и выходящих; иностранцев не пускают. Двор чудесный, всё в нём украшено изваяниями и золотом, и последний камень изваян и покрыт золотом. Ночью город стерегут 1000 человек: они ездят на конях, в доспехах, со светочами в руках.

Описывает Никитин выезд султана на прогулку во время байрама. Султан выехал с 12 великими визирями. С ними выехали 300 слонов, наряженных в булатные доспехи и в

окованные городки (кабинки на спине слона). На каждом слоне по 6 человек в доспехах с пушками и пищалями, а на «великом» слоне — 12 человек. На всяком слоне два больших знамени («прапорца»). К клыкам слонов привязаны огромные мечи весом по кентарю, а к «рылам» (хоботам) — по три железных гири. Между ушей посажен человек в доспехе с большим железным крюком для управления. Кроме слонов выехали 1000 коней без всадников, все в золоте, 100 верблюдов с барабанами, 300 трубачей, 300 плясунов, 300 наложниц. Султан ехал на коне, убранном в золото, в золотом седле. На султана кафтан весь «сажен» яхонтами, на его шапке-пишаке большой алмаз. Лук его («сагайдак») — из золота с яхонтами. Три сабли его кованы золотом. Перед султаном «скакал» (т. е. плясал) пеший индеец, играя «теремцом» (зонтиком), и за ним двигалось много пеших индейцев. Тут был и бешеный («благой») слон, весь наряженный в камку, с железною цепью во рту, идёт и «оббивает» коней и людей, чтобы не приступили близко к султану. Брат султана выехал на золотой «кровати» под бархатным балдахинном («теремом оксамитным») и т. д.

Так же подробно и точно описаны Афанасием Никитиным выезды хана Махмута, выезды на охоту султана и его братьев, выезды бояр и т. д.

В записках Никитина имеются также расспросные сведения о других местностях, где он сам не побывал: он упоминает Каликот (Каликут, в то время главная гавань на западном берегу Индии), Силян (остров Цейлон), Певлу (область Пегу на Индо-Китайском полуострове), Чин да Мачин (южная часть Китая) и Китай.

Умной и разносторонней наблюдательностью записки Афанасия Никитина выделяются среди других европейских географических сочинений XV—XVI вв. Выдающийся востоковед И. П. Минаев, рассматривая труд Никитина, находит в нём «не один драгоценный факт, важный для понимания старо-индийской жизни и просмотренный его современниками, заходившими в Индию».¹

С места на место странствует Афанасий Никитин по Индии в торговых заботах. В городе Чунере Никитин остановился, чтобы продать жеребца, которого купил за 100 рублей. Местный хан ездит на людях, хотя у него

¹ «Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина». Журнал Министерства народного просвещения, 1881, № 6, стр. 166.

есть много слонов и хороших лошадей. Хан взял жеребца, но, узнав, что Никитин русский, стал склонять его перейти в магометанство: «а не станешь в веру нашу, и жеребца возьму и тысячу золотых на голове твоей возьму». К счастью для Никитина, в Чунер приехал некий хорасанин (господствующее племя в Индии), который заступился за него: освободил Афанасия и возвратил ему жеребца. Но Афанасий пришёл к печальному выводу. «Ино, братья русьстии, — восклицает он по этому поводу, — кто хочет пойти в Индейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поиди в Гундунстаньскую землю». Любопытно, что итальянец Никола де Конти, побывавший в Индии в конце XV в., так и поступил: он принял магометанство и обзавёлся семьёй в Индии. Но Афанасия Никитина тянет на родину, он любит русскую землю. «Да сохранит бог землю русскую, — восклицает Никитин, — Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей! Некоторые вельможи Русской земли несправедливы и не добры. Но да устроится Русская земля!.. Боже! Боже! Боже! Боже! Боже!» Из этих пяти призываний имени божьего: первое написано им по-арабски, второе по-персидски, третье и четвёртое по-русски, пятое по-татарски. На всех языках славит Никитин Русскую землю.

Таков был смелый, настойчивый, наблюдательный, предприимчивый русский путешественник Афанасий Никитин, умевший по достоинству оценить чужие обычаи и не изменивший своим.

На этом сношения русских с Индией не оборвались. В сентябре 1532 г. в Москву явилось посольство индийского султана Бабура, основателя империи «великих моголов». Бабур через своего посла «Хази Уссеина» (хаджи Хусейна) желал вступить в «дружбу и братство» с московским государем. В Москве ответили согласием на установление торговых сношений Индии и России, но, к несчастью, султан Бабур умер ещё тогда, когда посольство ехало в Москву, и оно закончилось ничем.

Насколько обстоятельными были сведения русских об Азии, показывает следующий рассказ в летописном сборнике XVI в.: «Стоит гора Арарат за Кавкасийскими и Иверскими горами, промеж трех морей: Черного, Бакинского и Индийского, на границе трех царств: Иверского, Турского и Персидского. Из-под нее вытекли реки во все три моря: в Черное море — Карась река, в Бакинское — Кур-

ская река, а Евфрат и Тигр потекли в Индийское море. Пройдя на запад от Арарата по Турским землям, можно прийти в Трапезонт, Цареград, Шам (арабское название Сирии) и Иерусалим; пойдя на восток от Арарата и Гурза (Грузии) по Хорасанским землям, можно прийти в Тиверись и в Спаган и в дальнюю Великую орду; а пойдя на полдень в Вавилонское царство, можно прийти в Багдад, Сафат и в Аламаз... Между Евфратом и Тигром большое междуречье, много земли, гор, пустых полей и лесу... На Тигре бьются персы и турки за Магометова внука, а на Евфрате сидят арапы и мучат христиан-пустынников. Реки (Тигр и Евфрат) потекли на полдень и на полдне сошлись в одну реку; где сошлись они, там граница трех царств: Арапского, Турецкого и Персидского. Тут было царство Вавилонское и город Вавилон...» и т. д. Рассказ этот свидетельствует не только о широкой географической осведомлённости русских, но и о знакомстве их с политическими событиями Передней Азии: в частности, с начавшимися тогда войнами турок-суннитов и персов-шиитов.

С середины XV в. всё большее и большее значение приобретает в литературе публицистическая струя. Публицистика проникает в летопись, в историческое повествование; публицистические отступления встречаются даже в житиях святых и в богословской литературе. Как выдающиеся публицисты выдвигаются в конце XV и в начале XVI в. Вассиан Рыло, Иосиф Волоцкий, старец Филофей, Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, митрополит Даниил и многие другие.

Вопросы государственного устройства, социальной справедливости, церковного землевладения подвергаются открытому обсуждению в многочисленных посланиях и «словах». Вокруг этих вопросов разгораются выразительные и страстные споры. Горячих защитников находит себе крестьянство; суровому осуждению подвергаются богатые монастыри. Главный противник церковного землевладения — старец Нил Сорский высказывает в своих сочинениях высокую терпимость, гуманность, осуждает формальное отношение к священному писанию. В сочинениях Вассиана Патрикеева можно встретить первые высказывания против крепостной зависимости крестьян. Максим Грек, чей публицистический талант развился не без влияния знаменитого итальянского проповедника XV в. Савонароллы, которого он лично слушал во Флоренции, горячо обличал стяжательство монашества, выступал против раз-

личных суеверий, против увлечения астрологией и красочными чертами рисовал тяжёлое положение монастырского крестьянства, томимого «лихвами губительными», налогами и ростовщицеством.

Дух критики, строгая логика в аргументации своих мыслей и практическая трезвость определяли собой публицистические выступления конца XV—начала XVI в. Этому публицистическому направлению предстояло получить особенное развитие в середине XVI в.

* * *

Замечательной особенностью русской литературы эпохи образования русского национального государства была её исключительная идеологическая острота и целеустремлённость. Это была литература одной темы — темы русской земли. Мысль о русской земле не покидает Афанасия Никитина в Индии, русских путешественников в Италии и в «святой земле». Она ощутимо присутствует в описании последних дней Константинополя, независимость которого восстановит в будущем «русый» народ — русские. Она живёт полной силой в повестях о Куликовской победе и в сказаниях о борьбе с татарщиной.

К русской земле обращена вся лирика, вся полнота личных чувств русского писателя. Русская литература этого периода не знает любовной поэзии, интимных личных тем, обычной занимательности, сложной, рассчитанной на развлечение интриги. Она сурово подчинена единой общественной и государственной заботе. Она описывает только то, что реально существовало или существует, и отвергает вымысел. Если в литературные произведения и вносятся вымышленные детали, то им придаётся всё же исторический характер, они окружаются роем исторических припоминаний, создающих иллюзию их реального существования в прошлом.

Литературная культура высоко стояла на Руси в XV и в начале XVI в.

VI. ЗОДЧЕСТВО

Дух историзма, столь свойственный древнерусской политической мысли, литературе, грандиозно развившемуся летописанию, пронизывал собою и русское средневековое искусство. Зодчество и политика, зодчество и историческая мысль были тесно объединены между собою. Возведение крупных архитектурных сооружений всегда имело в древней Руси определённый исторический смысл, с ними связывались перемены в политическом положении княжеств, к ним приурочивалось создание новых летописных сводов. Вот почему древнерусские города не знали городских скульптурных монументов в память тех или иных событий и героев: их заменяли самые архитектурные сооружения, знаменовавшие собою целые исторические этапы и всегда овеянные роем исторических воспоминаний.

С созданием первых летописных сводов были связаны София в Киеве и София в Новгороде; к созданию владимирско-суздальских соборов были приурочены многие из летописных сводов северо-восточной Руси; с построением каменной соборной церкви в Твери было соединено начало тверского летописания и т. д.

Так было и в Москве. Постройками Московского Кремля при Дмитрии Донском и Иване III были ознаменованы крупнейшие изменения в политическом положении Москвы. Строительство Успенского собора в 1471 и 1478 гг. было связано с новгородскими походами Ивана III и отмечено составлением летописных сводов. Дьяковская церковь и церковь Вознесения в селе Коломенском, как и впоследствии Покровский собор на рву (церковь Василия Блаженного), были также своеобразными памятниками исторических событий.

Тесно связанная с ростом Русского государства, русская архитектура достигла стремительного подъёма в конце

XV в. — в эпоху образования русского национального государства. Может быть, отчётливее, чем какое-либо другое искусство, зодчество конца XV — начала XVI в. отразило возросший международный авторитет Руси, явилось живым воплощением идей эпохи, широких и дальновидных надежд русских людей на блестящее будущее русского народа.

1

В 1366 г. (по другим сведениям, в 1367 г.) началось строительство нового каменного Московского Кремля на месте деревянных укреплений Ивана Калиты. Московская летопись так записала об этом событии: «тое же зимы (1366 г.) князь великий Дмитрий Иванович, погадав (обсудив) с братом своим с князем Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими, и сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслиша, то и сътвориша, тое же зимы повезоша камень к городу».¹

Каменный Кремль Дмитрия Донского был значительно больше прежнего дубового. Он был расширен почти до пределов нынешнего. Стрельницы Беклемишевская, Водовзводная, Спасская, Боровицкая — находились на тех же местах, что и ныне. Лишь Никольская стрельница несколько отступала от линии стен Кремля Ивана III, да не существовало стрельницы на месте нынешней Угловой Арсенальной. Как выглядел этот новый кремль Дмитрия Донского, представить себе очень трудно, но ясно одно, что стены его были не ниже теперешних, так как до введения огнестрельного оружия высота их служила главной защитой для обороняющихся.

Построение каменного Московского Кремля тотчас же отразилось на внешней политике Дмитрия Донского, и это было замечено современниками. Не случайно тверской летописец так записал об этом событии под 1367 г.: «Того же лета князь велики Дмитрий Иванович заложил град Москву камен, и начаша делати безпрестани. И всех князей русских привожаше под свою волю, а которыя не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати...».² Москва становилась неприступной для врагов. Нашествия Ольгерда на Москву и в 1368 и в 1370 гг. были безуспешны. Её

¹ Симеоновская летопись. Полное собрание русских летописей, т. XVIII, СПб. 1913, стр. 106.

² Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей, т. XI. СПб. 1897, стр. 8.

Построение Московского Кремля при Дмитрии Донском
(Миниатюра Остермановской летописи)

авторитет колоссально возрос. И не случайно, когда в 1375 г. Дмитрий Донской двинулся к Твери, к его полкам примкнуло 19 русских князей.

2

С княжения Дмитрия Донского начинается усиленный интерес к памятникам владимирского зодчества. Дело, конечно, не в том, что Москва училась на памятниках владимирско-суздальского зодчества строительным приёмам; интерес к архитектуре Владимира был обусловлен в первую очередь всё той же политической идеей владимирского наследства, которая направляла и меч московской политики. Архитектурная мысль следует политическим идеям своего времени. В течение всего XV в. московские архитекторы воплощают заветы владимирского зодчества так же точно, как московские великие князья воплощают в своей политике идеи владимирского великого княжения.

Интерес к владимирскому зодчеству становится особенно интенсивным в годы княжения «великого князя владимирского и московского» Дмитрия Ивановича Донского.

Повидимому, именно в княжение Донского ремонтируется Успенский собор во Владимире. Владимирский Дмитриевский собор становится княжим; в 1380 г. из него перевозится в Москву икона Дмитрия Солунского.

Супруга Дмитрия Донского Евдокия и его сын Василий вносят богатые вклады во владимирский Рождественский собор, связанные с памятью Александра Невского. Евдокия строит в 1393 г. в Московском Кремле церковь Рождества богородицы, отдельные архитектурные детали которой приводят на память формы церкви Рождества богородицы в замке Андрея Боголюбского.

В княжение сына Донского — Василия Дмитриевича — открывается и первая в русской истории эпоха архитектурных реставраций. В 1403 г. обновляется древний собор в Переяславле-Залесском. В 1408 г. Андрей Рублёв и Даниил Чёрный, по приказу Василия Дмитриевича, возобновляют древние росписи владимирского Успенского собора.

Полоса этих реставраций тянулась в течение всего XV в. Она захватила собой Ростов, Тверь и Новгород, где восстанавливались «на старой основе» архитектурные сооружения эпохи национальной независимости.

В самой Москве не сохранилось цельных памятников архитектуры конца XIV — начала XV в. Остатки стен и

фундаментов построек этой поры дают лишь слабое представление о начавшемся подъёме московской архитектуры, всё более и более стремящейся к нарядности и пышности.

Все сохранившиеся здания этой поры выстроены на средства второго сына Дмитрия Донского — Юрия Дмитриевича, начавшего длительную распрю в великокняжеской семье за московское княжение.

Характерно, что и в постройках Юрия Дмитриевича доминирует всё та же идея владимирского наследства. Звенигородский собор 1400 г., собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода 1404 г., Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря 1423 г., Троицкий собор Александровской слободы 1432—1434 гг. — все эти храмы близки по своему типу к архитектуре Владимира. Особенно близок к владимирским храмам Звенигородский. Если восстановить древнее посводное покрытие этого собора, то мы будем иметь строение, весьма близкое по своему типу к церкви на Нерли или Дмитриевскому собору во Владимире.

3

Архитектура эпохи Возрождения на Западе значительно запаздывала в своём развитии сравнительно с живописью. Лишь с середины XV в. наступает период, когда архитектура, по преимуществу итальянская, начинает быстро двигаться вперёд и достигает, наконец, в XVI в. грандиозного развития, соответствовавшего масштабам эпохи.

Идея величия — основная идея зодчества итальянского Возрождения. Она находит себе воплощение сперва в архитектуре отдельных зданий, а затем, в начале XVI в., в первых сооружениях целых городских ансамблей. В самом начале XVI в. папа Юлий II задумывает коренную перестройку своей резиденции. Все лучшие архитекторы, скульпторы и живописцы приглашаются в Рим. Римские зодчие ищут решения больших задач. Браманте создаёт грандиозные проекты Ватикана и собора св. Петра. Впервые западная архитектура принималась за создание целых ансамблей подобного размаха и за реконструкцию целых районов города.

Москвичи раньше, чем архитекторы Запада, становятся на путь грандиозных перестроек, принимаются за создание ансамбля, размах которого превзошёл европейские.

Создание русского национального государства было ознаменовано грандиозным строительством Московского Кремля. При этом объединительной политике московских великих князей и объединительной политике московских летописцев, соединивших в обширных сводах разрозненное летописание различных русских областей, соответствуют объединительные тенденции в области московского искусства. В грандиозной строительной деятельности Москвы приняли участие зодчие и художники из Пскова, Новгорода, Твери, Владимиро-Суздальского княжества, а также архитекторы самой передовой в архитектурном искусстве страны тогдашней Европы — Италии. Москва становится столицей большого европейского государства.

В 1474 г. в Москву приезжает выдающийся инженер Северной Италии Аристотель Ридольфо Фиораванти. Приглашение его было чрезвычайно удачным: это был необычайно разносторонний и сведущий в различных областях человек и вместе с тем лишённый резко выраженных индивидуальных вкусов архитектор, послушный исполнитель воли своих заказчиков.

На родине Аристотель прославился главным образом как мастер инженерного искусства. В документах архива Болоньи он называется «удивительным гением», его творения объявляются «невероятными» и утверждается, что нет человека, который бы знал в архитектуре что-либо, чего бы не знал Фиораванти. Впервые в истории строительного искусства Аристотель Фиораванти осуществил передвижение огромного здания. Он передвинул в Болонье на 35 футов колокольню церкви св. Марка со всеми колоколами. Передвижение это было выдающимся событием. Он стал известен, получил награду от папы Николая V и свёл личное знакомство с кардиналом Виссарионом, впоследствии сносившимся с Иваном III по поводу брака его с Софьей Палеолог.

В Ченто Аристотель Фиораванти выпрямил колокольню церкви Власия; в Венеции он выпрямил башню при церкви св. Ангела; в Болонье он занимался исправлением и постройкой городской стены, он исправлял арки моста в Павии, строил Пармский канал, выпрямлял башню в Мантуе, выпрямлял городскую стену в Парме, исправлял крепостные сооружения в Аббиятеграссо, Бойеда, Сартирано, выпрямлял русло реки Кростоло. В 1467 г. он возводил для венгров укрепления на Дунае против турок, за что венгерский король возвёл его в сан рыцаря и при-

казал отчеканить монету с изображением Аристотеля. В Ченто Аристотель строил водопровод, в Неаполе поднимал со дна моря тяжёлый ящик и т. д.

Как специалист по исправлению технических недочётов зданий и как выдающийся военный инженер своего времени Аристотель Фиораванти и был приглашён в Москву русским послом в Венеции Семёном Толбузиным, в связи с неудачей, постигшей русских мастеров при постройке Успенского собора.

В 1470 г. московский Успенский собор, построенный в 1326 г., пришёл в чрезвычайную ветхость. Иван III решил выстроить новый Успенский собор. По распоряжению митрополита Филиппа, московские зодчие Мышкин и Кривцов обмерили Успенский собор во Владимире с тем, чтобы воспроизвести его в Москве в ещё больших размерах. Начав свою грандиозную постройку, Мышкин и Кривцов устроили внутри северной стены лестницу, ведущую на хоры. Стена не выдержала давления сводов и рухнула, чему способствовало ещё и землетрясение. Крупнейший московский строитель того времени — В. Д. Ермолин, специалист по исправлению технических недочётов зданий, разошёлся со строителями Успенского собора. Поэтому были приглашены эксперты со стороны — псковичи, которые определили плохие качества извести и кладки с забутовкой. Приехавший затем Аристотель Фиораванти подтвердил определение псковичей, но, впрочем, одобрительно отозвался о гладкости работы московских каменщиков.

Аристотель разобрал неудачную постройку Мышкина и Кривцова, сохранил некоторые части здания, относившиеся к 1326 и 1459 гг., и приступил к постройке нового Успенского собора, отказавшись от слишком смелых размеров проекта Мышкина и Кривцова.

Замечательно, что Аристотель Фиораванти подпал в Москве под мощное влияние русского искусства и сохранил в постройке Успенского собора лишь немногие новые для Руси архитектурные приёмы. Прежде чем приступить к постройке Успенского собора, Аристотель совершил обширное путешествие по русским городам. На Успенском кремлёвском соборе сильно отразилось воздействие архитектуры Успенского собора во Владимире и Софии Новгородской. Русские заказчики поставили Аристотелю за образец Успенский собор во Владимире, и Аристотель с чрезвычайною похвалою отозвался о его

архитектурных качествах, признав близость его к архитектуре Италии.

Аристотель добросовестно учился у русских мастеров. В своём письме к герцогу Миланскому он писал, что «находится в великом государстве, в городе славнейшем, в богатейшем и торговом».¹

Но кроме Успенского собора, возможно, Аристотелю был дан в образец и Софийский собор в Новгороде, — городе, воссоединение которого с Москвой было самым грандиозным событием в жизни Русского государства того времени. Во всяком случае, в облике Успенского собора несомненно отразились и архитектурные формы владимирского Успенского собора и благородная простота Софии Новгородской.

Нововведением для Москвы явились 4 круглых столба-колонны внутри церкви, поддерживающие купол и когда-то имевшие фигурные капители. Летописец говорит об этих колоннах, что верх храма покоится «аки на четырех древах». Аристотель применил при построении собора новые технические приёмы: изменил размеры кирпича, состав извести, ввёл железные связи вместо деревянных. Кровлю собора делали новгородские мастера, покрывшие его сперва деревом, а затем белым железом. В 1514 г. собор был расписан внутри фресками русских художников.

Таким образом, в Успенском соборе сочетались строительные традиции Москвы, Италии, Владимира и Новгорода. Но сочетание это не повело к эклектизму форм. Наоборот, Успенский собор поражает строгою простотою пропорций, лаконизмом своих художественных средств. Элементы итальянской, владимирско-суздальской, московской и новгородской архитектуры слиты в нём с необычайной свободой. Такая благородная простота постройки говорит не только о совершенстве зодчего, но и о хороших вкусах заказчиков, которые, требуя построения нового центра православного христианства и вмещиваясь во все детали архитектуры храма, не загромождали его, в поисках грандиозного, ненужными деталями.

В 1482—1490 гг. мастера-псковичи построили в Московском Кремле Благовещенский собор, в основном сохраняющий старый тип московской архитектуры. В 1485—

¹ К. А. Хребтович-Бугенев, Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора, и письмо его из Москвы 1476 года, «Старая Москва», вып. II, М. 1914, стр. 30.

1486 г., возможно, теми же псковскими мастерами выстроена нарядная Ризоположенская церковь Московского Кремля на запад от Успенского собора.

В 1487 г. началось строительство грандиозного дворца Ивана III. Марко Руффо и Пиетро Антонио Солари построили в Кремле Грановитую палату, сохранившуюся до нашего времени в сильно изменённом виде. Снаружи палата была выложена белыми гранёными камнями (рустами), от которых и получила своё название. Грановитая палата предназначалась для торжественных приёмов и празднований: здесь впоследствии Иван Грозный праздновал покорение Казани, а затем Пётр — полтавскую победу.

В том же 1487 г. Марко Руффо заложил Малую (или Набережную) палату и др. Постройка дворца, прерванная пожаром 1493 г., была закончена лишь в 1508 г.

В Кремлёвском дворце яснее всего проявились русские принципы строительства. В древней Руси дворцовые постройки создавались как комплексы отдельных палат, соединённые крыльцами и переходами и увенчанные разнообразными кровлями. Так и в строительстве Кремлёвского дворца: фасад его выходил на Соборную площадь, здесь были Грановитая и Золотая палаты, связанные между собою Красным крыльцом. Южное крыло дворца составляли Большая, Средняя и Малая Набережные палаты; северное крыло — Наугольная, Постельная, Проходная, хоромы самого великого князя и его приёмная. Между южным и северным крыльями помещалась древняя церковь Спаса на Бору. Нижние этажи этих зданий служили подклетьями. Вторые этажи были связаны между собою переходами и крыльцами. Высокие многочисленные кровли дворца поражали разнообразием форм и составляли его самую примечательную часть. В записке Растрелли, перестроившего остатки этого дворца в XVIII в., сказано: «в оном Кремлевском дворце всего покоев и с погребами находится до тысячи номеров и немалое количество открытых площадок и галлерей».

В 1505 г. на старом основании постройки Ивана Калиты был заложен Архангельский собор, законченный через четыре года и, так же как и Успенский собор Аристотеля Фиораванти, сохранивший общий тип пятиглавого русского храма и другие типично-русские архитектурные черты.

Наконец, при Иване III были начаты и самые важные строительные работы — постройка стен и башен Москов-

ского Кремля на месте обветшалых укреплений Дмитрия Донского. Исполнителями работ были Антон Фрязин, Марко Руффо, Пиетро Антонио Солари и Алевиз. В разработке плана, возможно, участвовал знаток крепостной архитектуры Фиораванти, но общий замысел Кремля, его планировка, указание последовательности работ несомненно принадлежали самому Ивану III.

В строительстве Кремля вполне сказался личный характер Ивана III: всё делалось не спеша, планомерно, на столетия вперед. Постройка Кремля производилась частями, постепенными заменами, чтобы не нарушать обороны Кремля.

В первую очередь, 29 марта 1485 г., была заложена Тайницкая стрельница (башня) с «тайником», т. е. родником под ней для добывания воды. Она обеспечивала защитникам Кремля воду в случае длительной осады и вместе с тем укрепляла одну из самых угрожаемых в случае татарского нападения сторон Кремля. Затем два года шла грандиозная подготовка дальнейшего строительства. В 1487 г. Марко Руффо заложил Беклемишевскую стрельницу, а в 1488 г. Антон Фрязин — Свибловскую, также с тайниками под нею. Тем самым в первую очередь была укреплена южная сторона, откуда обычно появлялись татары.

В 1488 г. страшный пожар испепелил Москву из конца в конец. Современники утверждали, что это был самый большой пожар, который когда-либо опустошал Москву. В народе некоторые говорили, что пожар этот возник по божьему гневу за «великую государскую нечесть»: за сломку церквей, монастырей и перенос кладбищ, которые находились перед кремлёвскими стенами и мешали обстрелу из кремлёвских пушек в случае появления неприятеля. «Князь велики, — говорили суеверные люди, — церкви на Москве все выметал вон, где престол стоял да жертвеник и те места не проходны; а ныне те места не огорожены, ино и собаки на то место ходят и всякий скот». Пожар этот несколько задержал производство работ. Однако в 1490 г. Пиетро Антонио Солари поставил Боровицкую стрельницу и Константино-еленинскую и вывел стену от Свибловской стрельницы до Боровицкой. В следующем, 1491 г., Пиетро Антонио Солари совместно с Марко Руффо поставил Фроловскую (Спаскую) стрельницу и Никольскую и построил стену от Никольской стрельницы до реки Неглинной. В 1492 г.

Пиетро Антонио Солари поставил Арсенальную (Собакину) стрельницу, заложил стену от Фроловских (Спасских) ворот до Никольской стрельницы и вывел новую стену над Неглинной. Таким образом, вся восточная сторона Кремля была также готова.

Затем снова наступил перерыв, связанный с колоссальными гидравлическими работами на реке Неглинной: прежде возведения стен надлежало укрепить грунт и берега, расчистить место перед стенами. Несмотря на протесты, в 1493 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглинною; и постави меру от стены до дворов сто сажен да девять» — в этих пределах запрещались всякие строения.

Русские послы Мануйло Ангелов Грек и Данило Мамырев привезли в 1494 г. из Италии Алевиза, которому были поручены все гидротехнические работы.

В 1495 г. Иван III велел сносить церкви и дворы за Москвою-рекою, и на местах, освободившихся от сноса строений, началось устройство большого сада. Одновременно Алевизом производились работы по постройке западной стены Кремля.

Ивану III не удалось довести до конца постройку Кремля. Он скончался в 1505 г., и работы продолжались при Василии III. В 1508 г. Василий III повелел делать вокруг Кремля выложенный камнем и кирпичом ров. Ров наполнялся водою из Неглинной, на которой были устроены пруды, мельницы, шлюзы, и перерезал Красную площадь от Неглинной до самой Москвы-реки, обратив тем самым Кремль в остров. Проникнуть в Кремль отныне можно было только через подъёмные мосты. В 1516 г. через Неглинную был перекинут от Троицких ворот первый в Москве каменный мост с предмостным укреплением на противоположном берегу реки — стрельницей Кутафьей, в ворота которой вели также подъёмные мосты. С устройством рва и мостов возведение Кремля было в основном закончено. 31 год велись работы, превратившие Московский Кремль в красивейшую и сильнейшую крепость тогдашней Европы.

В отличие от Миланского замка — второй по силе европейской крепости,¹ с которою Кремль обычно сравнивается, он был выстроен на холме, омываемом двумя ре-

¹ Две сильнейшие крепости Европы XV в. — Милан и Мец значительно уступали Кремлю и по своим размерам.

ками, и умело применён к местности. Кремль был выстроен по последнему слову фортификационной техники, сделавшей в XV в. большой шаг вперёд в связи с изобретением пороха и огнестрельного оружия.

Оборонительная линия стен была вытянута не по прямой, а с изломами, так, чтобы с каждой стрельницы был виден ряд соседних. Это было необходимо для установления стратегической связи между защитниками и для флангового обстрела штурмующего врага. Спасская, Никольская и Беклемишевская стрельницы выдвинуты вперёд. Свиблова стрельница несколько отступает. Стрельницы расположены на таких расстояниях, что с них легко можно было обстреливать соседящее им прясло стены. Со стороны возможного приступа стрельниц поставлено больше. Поэтому между Тайницкой и Беклемишевской стрельницами — три малых, а между Тайницкой и Водовзводной на том же расстоянии — всего одна. Угловые стрельницы сделаны круглыми, чтобы лучше противостоять разрушительной силе пушечных снарядов.

Стрельницы представляли собой укрепления, способные каждое к самостоятельной обороне. В верхние этажи можно было проникнуть только через узкие отверстия по приставным лестницам. Из стрельниц вели длинные подземные выходы. Ход, открытый в 1894 г. на глубине 15 аршин, вёл от Тайницкой стрельницы через весь Кремль, выходил из Кремля у Никольской стрельницы и уходил к Никольской улице. Другой ход шёл от той же Тайницкой стрельницы к Варварке под церковью Василия Блаженного. Стрельницы оборонялись сильными гарнизонами. Каждая стрельница служила преградой для проникновения неприятеля на следующее прясло стены. Вместе с тем из стрельницы легко можно было подать помощь защитникам стены через выходы на прилегающее к ней прясло стены из этажа, находящегося на уровне верхнего хода стены. Благодаря этому можно было, не спускаясь на землю, обойти кругом все стены Кремля.

Верхняя платформа стен (ход по стенам) отличалась большою шириною и допускала передвижение крупных масс войска. С внутренней стороны Кремля эти платформы держались на арках, которые тянулись вдоль всех стен. Стены обладали тройным боем: подошвенным (нижним) для тяжёлых орудий, средним и верхним. Внутри стен существовал ход с бойницами. Бойницы имели глубокие откосы для поворота пищалей или метательных орудий.

Верхняя платформа защищалась зубцами в форме «ласточкинго хвоста», частью с бойницами, частью без бойниц. Первоначально вся нижняя часть стен была белокаменной, и лишь впоследствии, в результате многочисленных починок, выкрошившиеся части были заменены кирпичом. Теперь фундамент и цоколь кремлёвских стен сложены из белого камня, а остальная часть стен состоит из кирпичной кладки с белокаменным поясом посередине.

Под стенами Кремля шли ходы, выходы и «слухи» для перенимания вражеских подкопов. Со стороны реки Москвы стены Кремля были обведены дополнительной стеной с воротами, поставленными несколько наискось, чтобы исключить возможность прямого обстрела из-за реки. Со стороны Красной площади таких дополнительных стен было две, они представляли собою возвышавшиеся над уровнем почвы каменные, снабжённые зубцами, стены рва. Ров этот, глубиною до 6 сажен, тянувшийся на 253 сажени, был наполнен водой, гладко выложен камнем и имел внизу ширину в 14—16 сажен, а сверху — 17 сажен. Мосты перед Спасскими и Никольскими воротами были укреплены бастионами, поднимавшимися прямо со дна рва. На самой Красной площади на особом раскате стояли большие пушки, направленные на мост через Москву-реку, откуда могли появиться татары.

Ворота стрельниц были укреплены дополнительными «отводными» стрельницами, сохранившимися и сейчас (например, у Спасской башни). Эти отводные стрельницы приставлены вплотную к основной. На уровне второго этажа в отводной стрельнице шла внутри галлерея, огибавшая проездной пролёт со всех четырёх сторон и дававшая возможность обстрела прорвавшегося неприятеля сверху. Кроме того, ворота защищались герсами (подъёмными решётками).

Внешний вид кремлёвских укреплений был очень суров. Стрельницы не имели ещё разнообразных островерхих завершений, появившихся лишь во второй половине XVII в. Ощетинившийся тройным рядом стен, вооружённый многочисленной артиллерией, в которой имелись и громадные бомбарды, не уступавшие вылитой в 1488 г. «Царь-пушке» (2400 пудов), Московский Кремль был живым олицетворением неприступной силы русского национального государства.

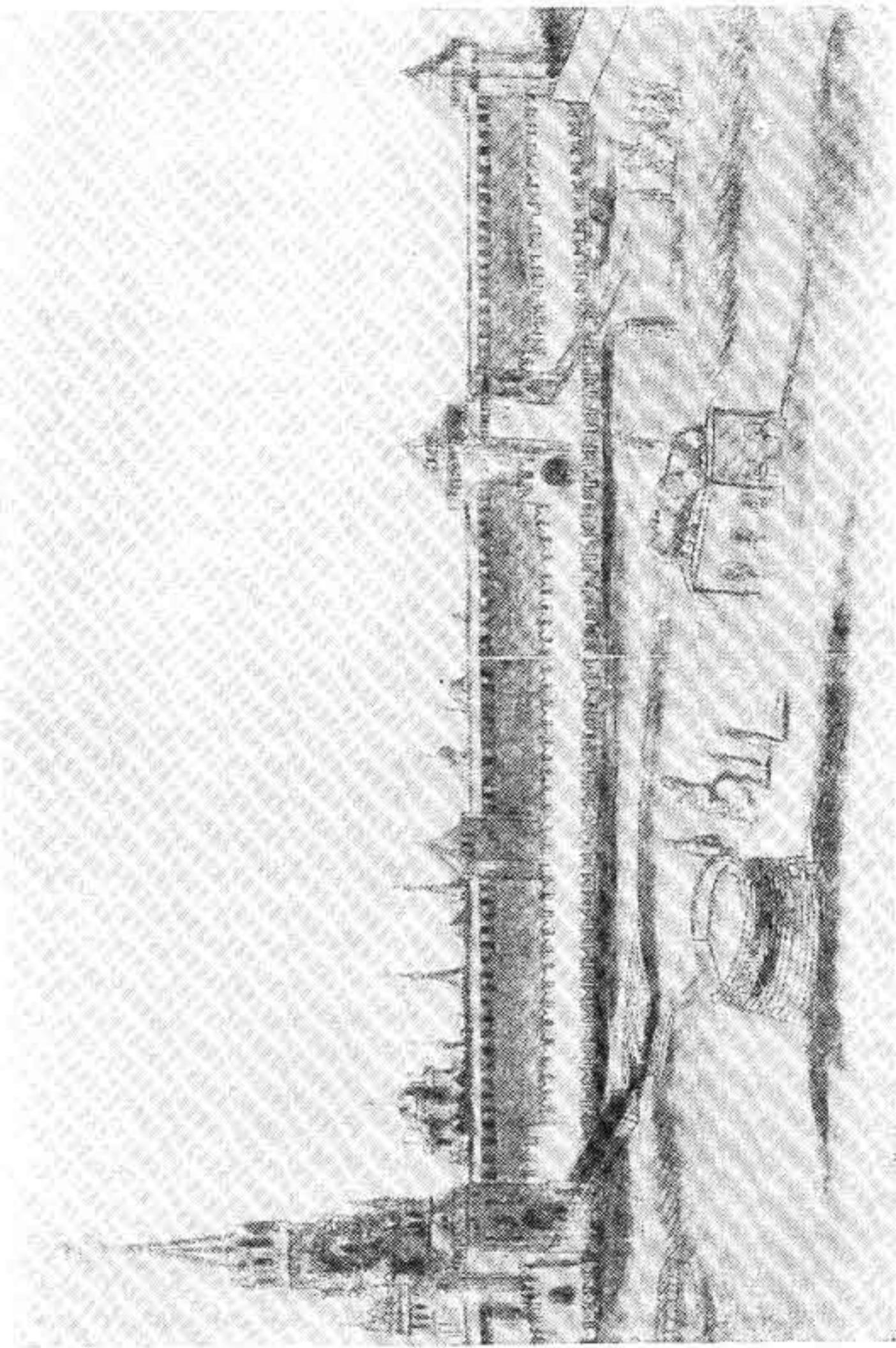
В 1535—1538 гг. укрепления Кремля были расширены устройством великолепных боевых стен Китай-города. Ки-

тайгородская стена имела до трёх сажен в высоту, тройной бой (верхний, средний и подошвенный), была укреплена монументальными башнями очень разнообразной формы, защищена глубоким рвом, тайниками, подземными ходами. У Никольских ворот находился огромный подземный водоём, где сохранялась вода на случай осады.

Несмотря на то, что в Москве сосредоточился обширный круг архитекторов итальянского Возрождения, вложивших большую долю своего труда в создание Московского Кремля, итальянского архитектурного ансамбля в Москве не получилось. Постройка Кремля была основана на чисто русских архитектурных принципах.

Расположение итальянских замков не учитывало особенности местности: итальянские архитекторы стремились выровнять неровности почвы и клали в план своих крепостных сооружений простые геометрические фигуры — прямоугольник, восьмиугольник и т. д. Для итальянского Ренессанса была типична строго замкнутая система форм, красота чистых пропорций, подчеркнутая чёткость членений. Архитектура Ренессанса почти не знала соединения разнородных частей в одно целое.

Между тем, русский архитектурный ансамбль Кремля был тесно связан с его местоположением: с холмом, который плавно огибали стены, с реками Неглинной и Москвой, по берегам которых протянулись его укрепления. Не систему чистых пропорций, а живописное сочетание архитектурных объёмов, громоздящихся и теснящих друг друга, представляет собою ансамбль Кремля. Из-за суровых стен Кремля вздымались кверху жизнерадостные русские золотые купола, пёстрые маковки, затейливые и разнообразные кровли кремлёвских теремов. Русская архитектура Кремля отличалась живописными контрастами, для неё были типичны сочетания построек различных стилей и различных эпох. Самые разнообразные стили входят в русской архитектуре в жизненно крепкие сочетания, легко становятся частями «своего» — русского. Даже обычные русские дворцовые постройки представляют собою сочетания множества отдельных строений, соединённых между собою переходами, крыльцами и лестницами. Высокие кровли этих построек, исключительно разнообразные в своих формах: кубастые, шатровые, бочками, колпаками и т. д., представляют собою самую характерную часть русских строений, всегда рассчитанных на вид издалека, на живописное соседство с конт-

Кремлёвская стена. Спасские и Никольские ворота
(С рис. Мейерберга XVII в.)

растирующими им постройками.¹ Так точно и в ансамбле Московского Кремля: стены его лишены самодовлеющего значения: они обрамляют выступающие из-за них типичным русским «кустом» строения; своею суровостью они повышают ощущение полноты жизни, свойственное яркой, живописной и праздничной русской архитектуре.

В русской архитектуре нет диссонанса между старым и новым, чужим и своим. Русский архитектурный ансамбль легко включает и подчиняет себе резко противоположные формы. Вот почему кремлёвский ансамбль продолжал органически развиваться и после своего создания — в XVI, XVII вв. Продолжает он жить и до сих пор. К итальянским стенам прибавились русские и английские затейливые островерхие завершения.² К зданиям XIV—XV вв. прибавились строения XVI, XVII, XVIII, XIX и XX вв. И Кремль продолжает жить как целый архитектурный ансамбль, поразительный по своей всеобъемлющей широте, по своей способности включать в себя, ассимилировать архитектурные создания различных веков и различных народов.

Ансамбль Кремля, располагаясь на крутом берегу Москвы-реки, открыто обращён во внешнее пространство; он чужд ренессансной замкнутости, исполнен открытой, властной и покоряющей красоты.

Создание различных архитекторов — русских, итальянцев, англичан — он русский по своей архитектурной идее, русский по самому своему духу. Торжественный и жизнерадостный, классически спокойный и интимно лиричный, Московский Кремль — живая история русского народа.

4

Однако заботы об общем национальном русском облике Москвы построением Кремля не ограничились. Национальные задачи, которые стояли перед Русским государством, поставили перед архитектурой проблему перенесения в каменное зодчество форм народного деревян-

¹ Русские считали высокие кровли наиболее нарядной частью строения. Высоту зданий как главный признак их красоты подчёркивает летописец при описании московского пожара 1409 г. Жалостно было видеть, пишет летописец, гибель церквей, которые «высокими стояньми» украшали «величество града».

² Английский архитектор Христофор Галловей построил, например, верх Спасской башни Кремля.

ного зодчества, наиболее, может быть, национального в своём типе. Русская архитектура первой половины XVI в. шла по пути создания каменного шатрового храма — деревянная церковь, в которой сплошь и рядом восьмигранный сруб увенчивался высокой кровлей с одной главой наверху. Этот новый тип каменного храма заимствовал свои формы из народного деревянного зодчества; постепенно усложняясь, он достиг необычайной декоративности, отвечавшей народным вкусам.

Первые опыты перенесения форм деревянной архитектуры в каменную относятся к очень давнему времени. Их, повидимому, можно было найти на Руси ещё до татаро-монгольского нашествия. Они были в старой Москве (церковь Ивана Лествичника с колоколами наверху, 1329 г.), и в Новгороде (круглая, «что столп», церковь в Хутыне, 1445 г.), и в Александровской слободе.¹ Однако только в XVI в. проникновение в каменное зодчество форм народного деревянного зодчества приобретает широкие размеры и идейную целеустремлённость обращения к народным началам.

В первой половине XVI в. была построена знаменитая Вознесенская церковь великокняжеской дворцовой усадьбы в селе Коломенском. Не случайно, что строительство нового, близкого к народному деревянному зодчеству храма принадлежало инициативе великого князя, а не митрополиту. Церковные власти строже придерживались традиционной, идущей ещё из Византии, планировки храмов. Великий князь мог свободнее воплощать в создаваемых по его инициативе церквях новые вкусы и общенациональные тенденции.

Вознесенская церковь (1532) поставлена на фоне безбрежной дали на высоком холме над Москвой-рекой. Она идеально гармонирует с окружающей природой и словно вырастает из поддерживающего её холма, с которым связана раскидистыми открытыми лестницами.²

Это в полной мере русская во всех своих формах постройка, хотя и использовавшая в декоративном отношении некоторые итальянские мотивы, внесённые, однако, в постройку с отступлением от правил итальянской архитектуры. Легко стремящийся вверх огромной высоты

¹ См. подробнее: *Н. Н. Воронин, У истоков русского национального зодчества, «Архитектура СССР», вып. 5, 1944.*

² Первоначально эти лестницы, повидимому, не имели кровель, которые принадлежат позднему времени.

«столи» смело увенчан высоким каменным шатром исключительной красоты. Высота Коломенской церкви превышает 60 м. и превосходит многие самые высокие постройки тогдашней Европы.¹ Основную часть постройки составляет типично русский, стремительно взлетающий двадцатиметровый восьмигранный шатёр. Кокошники смягчают уступы ярусов; мощные стены лаконично и выразительно украшены «стрелами» готического типа.

Первоначально церковь была двуцветной. Основной тон церкви был красный — кирпичный. На этом основном кирпичном фоне ярко выделялись выполненные белым известковым камнем детали. Двуцветность здания удачно подчёркивала архитектурную форму церкви. Впоследствии в XVI и в особенности в XVII в. такая двуцветная тональность стала излюбленной в русской архитектуре.

Те же два цвета — белый и красный — имела при своём построении и церковь Василия Блаженного на Красной площади.

Коломенская церковь произвела на современников сильнейшее впечатление. Освящение её было отпраздновано Василием III с необычайной торжественностью. Летопись отметила её красоту и «величество»: «допрежь такой не бывало на Руси».

Итак, образование русского национального государства было ознаменовано постройкой Московского Кремля, центральной святыни русского государства — Успенского собора и кристаллизацией нового национального, отвечающего народным вкусам, архитектурного стиля, стиля, отчётливее всего воплотившегося в строгом и мощном взлёте Вознесенской церкви села Коломенского.

¹ Высота собора в Бове — 47,5 м., собора в Амьене — 42 м.; только собор Парижской богородицы имеет в высоту 69 м.

VII. ЖИВОПИСЬ

I

Подъём русской живописи во второй половине XIV в. идёт под знаком внимания к человеческой психологии.

Византийские и русские учёные монахи XIV—XV вв., так называемые «исихасты», обращают внимание на роль внешних чувств в формировании личности человека. Они учат, что чувственные образы происходят от тела, хотя сами и не тела. Эти чувственные образы являются отображениями внешних предметов, их зеркальными отражениями. Посредством фантазии, стоящей на грани между чувствами и умом, отражения внешнего мира становятся мыслями и силлогизмами.

В одном из учёных трактатов XIV в. говорится о том, что человеческая душа «при помощи слуха узнала арифметику и гармонию, посредством зрения — аналогию чисел, геометрию и астрологию; осязание и вкус дают знание биений пульса и врачебное искусство». Таким образом, все человеческие знания имеют своим источником человеческие чувства. Это учение о значении внутренней жизни человека и о роли внешних чувств в образовании идей высоко подняло представление о ценности человеческой личности, ярко отразившееся в учении византийского монаха Григория Паламы об ангелах. Последних Григорий Палама считал стоящими по своей природе ниже людей.

Новые представления о человеке и его чувственном опыте резко сказались в изобразительном искусстве. Живопись XIV в. обогатилась новыми темами, новыми наблюдениями. Человек и всё человеческое становится центральной темой искусства. Изобразительное искусство широко открывается для воспроизведения сложных человеческих переживаний. Художники подчёркивают человеческие стра-

дания Христа на кресте, стремятся передать чувство материнства в богоматери и психологические переживания святых. Они очеловечивают образы Христа, богоматери, лишая их торжественной репрезентативности предшествующего периода. Божественное сводится к человеческому, становится личностным и понятным. В «священных» сюжетах художники раскрывают уже не абстрактно-идейный и догматический смысл изображаемого, как раньше, а психологические переживания действующих лиц, иногда с поразительной экспрессией.

В трактовке человеческого образа сказалось живое наблюдение. Человеческие фигуры строятся в рельефе. В противоположность неподвижности человеческих фигур предшествующего периода они начинают изображаться в сильном движении, складки их одежд ложатся более естественно и как бы колеблются ветром. Всё большую роль начинает играть непосредственное наблюдение природы. Усиливается значение пейзажа. В орнамент проникают натуралистические детали: листва, почки, цветы и т. д. Новое искусство живее, искреннее прежнего. Оно полно движения, внимания ко всему индивидуальному. Краски новой живописи, сияющие и жизнерадостные, ближе воспроизводят цвета природы, менее условны и строже согласуются друг с другом.

Это был переворот огромной значимости, в равной мере захвативший собою Византию, Италию и Русь. В России новое направление охватило собою Псков, Новгород, Москву, а возможно, и другие русские города. Лучшее всего живопись второй половины XIV в. была представлена в Новгороде. Здесь обильнее, чем где бы то ни было в Европе, сохранились прекрасные, ярко светящиеся красками фрески,¹ свободно передававшие движение, человеческие переживания, скалистый античный пейзаж, отдельные, идущие ещё из античности, архитектурные мотивы. Легко стремящиеся друг к другу человеческие фигуры в развевающихся по ветру одеждах, беспокойный пейзаж в молниевидных изломах скал наполняли собою внутреннее пространство архитектурных сооружений второй половины XIV в., как бы охваченных единым движением цельной живописной композиции.

Среди обильно представленных в Новгороде различных живописных школ и направлений особое место занимает

¹ Живопись водяными красками по ещё свежей штукатурке.

гениальный мастер — Феофан Грек. Его необыкновенный талант живописной импровизации, мудрая расчётливость мазка, необычайная уверенность письма, умение достигать огромного живописного эффекта скупыми средствами, мудрость и глубина содержания, умение проникать в тайны человеческой психологии и характеризовать человеческую личность немногими штрихами справедливо заслужили ему прозвание «философа».

Из Новгорода Феофан Грек был приглашён в Москву, где он работал до конца жизни. В Москве вокруг Дмитрия Донского сосредоточился обширный круг лиц, связанных с идеями эпохи Предвозрождения. Близость их к Дмитрию Донскому опровергает ходячие представления о якобы необразованности этого крупнейшего политического и культурного деятеля возвышающейся Москвы. Человеком нового культурного склада, покровителем нового искусства и новой образованности был близкий к Дмитрию Донскому митрополит Алексей. Представителем новых идей был деятельный сторонник и «кум» Дмитрия Донского — Сергей Радонежский, в монастыре которого зародилась новая литературная школа, связанная с идеями Предвозрождения. Замечательным книжником был и друг Донского — Михаил — Митяй, которого Дмитрий пытался одно время сделать митрополитом всея Руси. В эпоху Донского в Москве работают многие живописцы, в том числе греческий художник Игнат. Неизменный соратник Донского, герой Куликовской победы — князь Владимир Андреевич Серпуховский оказывает особое покровительство Феофану Греку.

В 1395—1396 гг. Феофан Грек совместно с Симеоном Чёрным расписывает в Москве церковь Рождества богородицы с приделом Лазаря. В 1399 г. он расписывает Архангельский собор Московского Кремля. В 1405 г. вместе с Прохором из Городца и Андреем Рублёвым он работает в кремлёвском Благовещенском соборе. Занимался Феофан и светскою живописью: на стене одного из княжеских домов в Москве Феофан изобразил панораму Москвы, а на особом листе для Епифания Премудрого — Софию Константинопольскую.

2

Замечательно, что в том же кругу новой предвозрожденческой образованности вырос величайший художник древней Руси — Андрей Рублёв. Его деятельность нача-

лась в центре русского предвозрожденческого движения — Троице-Сергиевом монастыре. Оттуда Андрей Рублёв перешёл ближе к Москве в Андроников монастырь, который был, так же как и Троице-Сергиев, близок Дмитрию Донскому.

Живописных произведений Андрея Рублёва сохранилось немного, но то, что известно о его деятельности, свидетельствует, что всё его творчество было неразрывно связано с Москвой. В 1405 г. Андрей Рублёв вместе со старцем Прохором из Городца и Феофаном Греком расписывал Благовещенский собор Московского Кремля. В 1408 г., по приказанию московского великого князя Василия Дмитриевича, Андрей Рублёв совместно со своим неразлучным другом Даниилом Чёрным расписывает Успенский собор во Владимире. В 1424—1426 гг. троицкий игумен Никон пригласил Андрея Рублёва и Даниила Чёрного для росписи фресками и украшения иконами Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре. Именно к этому времени относится, повидимому, и самое совершенное из известных произведений Андрея Рублёва — его знаменитая «Троица», ныне хранящаяся в Третьяковской галлерее в Москве. До Великой Октябрьской революции «Троица» считалась единственным достоверно принадлежащим Андрею Рублёву произведением. Только после работ и экспедиций Государственных Реставрационных мастерских в 20-х гг. XX в. удалось составить более полное представление о творчестве Рублёва. Была расчищена часть фресок, выполненных Андреем Рублёвым и Даниилом Чёрным во владимирском Успенском соборе. В селе Васильевском около Владимира была найдена и реставрирована часть икон из того же Успенского собора (в том числе несомненно рублёвские — апостол Павел, Вознесение и др.). В Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде (основанном учеником Сергия Радонежского — Саввой) удалось обнаружить рублёвские иконы: Архангел, Спас и апостол Павел. В том же монастыре были обнаружены фрески, возможно, принадлежащие Рублёву.

Частичным реставрациям были подвергнуты работы Андрея Рублёва в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря, в Благовещенском соборе Московского Кремля и т. д.

Гениальное творчество Андрея Рублёва всегда привлекало исключительное внимание последующих поколений. Оно стало предметом легенд и страстных споров. С именем Андрея Рублёва соединялось всё лучшее, что было в

древнерусской живописи. Его живописным произведениям дивились современники и отдалённые потомки. О судьбе его икон записывалось в летопись. Стоглавый собор Грозного ставил Андрея Рублёва в образец всем иконописцам. Исследователи XIX и XX вв. сравнивали Андрея Рублёва с Беато Анжелико, с Чимабуэ, с Перуджино, с

Ангел из евангелия Хитрово (миниатюра).
приписывается Андрею Рублёву

Джорджоне, с мастерами сиенской и умбрийской школ, с мастерами античности, с Рафаэлем и Леонардо да Винчи. И действительно, в творчестве Андрея Рублёва есть нечто, что роднит его с лучшими мастерами человечества: глубокий гуманизм, высокий идеал человечности, отличавший и гениев античности и гениев Возрождения.

Творчество Андрея Рублёва поднялось на той же волне Предвозрождения, которая несла и искусство Новгорода, Пскова второй половины XIV в. В нём отражён тот же интерес к человеку, к его индивидуальности, к его психологии. В нём сказалось непосредственное наблюдение природы, человеческого тела. Складки одежд ложатся легко, естественно, облегают естественные телесные формы.

Но живопись Рублёва ближе к античному искусству, чем искусство других мастеров XIV—XV вв. Творчество Рублёва с необычайной силой оживлено дыханием античности. С нею роднит Рублёва глубина и одухотворённость человеческих образов, античный ритм линий, античная грация движений человеческого тела, замкнутость и совершенство композиций, нередко как бы вписанных в круг, общая жизнерадостность живописи, исполненной блаженно ясных и глубоких чувств.

Сравнительно с искусством Феофана Грека живопись Андрея Рублёва отличается большим спокойствием, движением сдержаннее, краски ярче; в тематике Рублёва усилены мотивы прощения, заступничества за грешников; его творчество лиричнее, мягче, душевнее феофановского. От произведений Андрея Рублёва веет сдержанным и тихим оптимизмом, внутренней радостью.

Андрей Рублёв был первым русским живописцем, в творчестве которого с особенной силой сказались национальные черты. Высокий гуманизм, чувство человеческого достоинства — черты не лично авторские: они взяты им из окружающей действительности. В этом убеждает тот образ человека, который воплощён в произведениях Рублёва. Он не мог быть выдуман художником; он реально существовал в русской жизни. Грубые и дикие нравы не могли дать той утончённой и изящной человечности, которая зримо присутствует в произведениях Рублёва и его школы. Если бы от XIV—XV вв. не сохранилось ничего, кроме произведений Рублёва, то они одни могли бы ясно свидетельствовать о высоком развитии на Руси XIV—XV вв. как человеческой личности, так и общественной культуры. Именно эти «общественные» корни человеческого идеала Андрея Рублёва и делают его творчество глубоко национальным.

Замечательно, что русский национальный тип лица явственно ощущается в рублёвском «Спасе» из звенигородского чина, в апостоле Павле на фреске Успенского собора, во Владимире и др. При этом русский тип лица

сочетается в творчестве Рублёва с проявляющимся в нём национальным складом русского характера.

Творчество Андрея Рублёва не может быть целиком объяснено особенностями средневековой русской живописи. Как и всякое гениальное мастерство, оно перерастает границы своего времени. Подобно «Божественной Комедии» Данте, лучшее из произведений Андрея Рублёва — его знаменитая «Троица» — сочетает в себе особенности средневекового символизма с высоким гуманизмом и простой человеческой правдой.

«Троица» Андрея Рублёва написана на чисто религиозный сюжет. Она изображает бога-отца, бога-сына и бога-духа, явившихся к Аврааму в образе трёх ангелов. Три ангела со странническими посохами сидят за низким столом и вкушают трапезу, которую предложили им Авраам и Сарра. Изображение исполнено средневекового символизма. Композиция вписана в восьмиугольник, образуемый табуретами и подножиями внизу, архитектурными деталями и горкой вверху. Этот восьмиугольник символизирует собою вечность (число 8, по средневековым представлениям, означает вечную жизнь: отсюда восьмигранная форма крещальной купели). Стол, за которым сидят ангелы, символизирует собою жертвенник, голова тельца — жертву. Босые ноги ангелов символизируют собою божественную сущность ангелов. Посохи в их руках означают грядущее земное странничество одного из них и т. д. Но средневековый символизм изображения не замечается зрителем. Он скрыт и доступен только сведущему богослову. В этом сказывается исключительная художественная мудрость «Троицы». На первый план выступает иная — человеческая правда: светлая грусть ангелов, навеянная сочувствием к страдающему человечеству, их безмолвная беседа — раздумье о грядущих судьбах мира, их лёгкая усталость, сказывающаяся в тихом наклоне голов, и нежная любовь друг к другу.

Замечательно, что грусть Рублёва не пессимистична. Это грусть мечты, раздумья, чистой лирики. Жизнерадостность Рублёва с необычайной силой передана в ярких, чистых, лёгких, как бы «звенящих» красках, в ясности линий, в изяществе композиции. За внешней мягкостью положений ангелов чувствуется сдерживаемая внутренняя сила.

Андрей Рублёв поставил перед русской живописью новые колористические задачи — задачи гармонизации цве-

тов. Они решены в его творчестве с необычайным блеском. С гениальной дерзостью Андрей Рублёв согласует между собою яркие, свежие, как бы «поющие» краски, ничуть не снижая силы цвета, и ставит в центр композиции чистые, «сияющие» цвета драгоценных камней. Игорь Грабарь так характеризует цветовую гамму «Троицы»: «Краски «Троицы» являют редчайший пример ярких цветов, объединённых в тонко прочувствованную гармонию взаимоотношений. Построенная на сочетании лёгких оттенков розово-сиреневых (одежда левого ангела), серебристо-сизых, тона зеленеющей ржи (гиматий правого ангела), золотисто-жёлтых (крылья, сидалища), цветовая гамма «Троицы» неожиданно повышается до степени ярчайших голубых ударов, брошенных с бесподобным художественным тактом и чувством меры на гиматий центральной фигуры, несколько менее ярко на хитон левого ангела, и совсем светло, нежно-голубыми, небесного цвета переливами — на «подпапортки» ангельских крыльев».¹

3

Аристотель Фиораванти, воздвигая новый Успенский собор Московского Кремля, включил в свою постройку часть стен Похвальского придела старого Успенского собора. Похвальский придел был пристроен к южной стене алтаря старого Успенского собора в 1459 г. Остатки его стен сохранили древнюю фресковую роспись, относящуюся, повидимому, к 1460 г. Фрески эти говорят о прочности художественной школы, созданной Андреем Рублёвым. Они исполнены того же внутреннего, сдержанного движения; отличаются тою же полнотою и ясностью форм, выражают то же стремление к изяществу и изысканности контуров; их мастер с тою же смелостью решает широкие колористические задачи, предпочитая глубокие, интенсивные тона.

Государственное величие Москвы наложило резкий отпечаток на монументальные произведения второй половины XV в. В фресках Похвальского придела меньше интимной простоты Рублёва. Удлиненные пропорции человеческих фигур, спокойные и плавные линии придают торжественность изображениям. Зритель явственно ощущает величие изображаемого.

¹ И. Грабарь, Андрей Рублёв, «Вопросы реставрации», т. I, 1926. стр. 74.

В ещё большей мере отражают рост Русского государства произведения Дионисия — мастера огромной силы и неистощимой творческой фантазии. Работы Дионисия относятся к концу XV — началу XVI в. В 1481 г. Дионисий совместно с Тимофеем Ярецом и Конем пишет иконы Успенского собора Московского Кремля. В 1488 г. эти же мастера работают для Ростовского собора. В 1484 г. целая артель живописцев, в которую входили Дионисий и его два сына, расписывает собор Иосифо-Волоколамского монастыря. Между 1500 и 1502 гг. Дионисий с сыновьями работал в белозерском Ферапонтовом монастыре.

Росписи последнего сохранились довольно хорошо. Пропорции человеческих тел удлинены в них ещё больше. Головы невелики, контуры растянуты, движения плавны и важны. Людские фигуры кажутся гигантами, медленно реющими в широком и свободном пространстве.

Прекрасные нарядные фигуры святых воинов свидетельствуют о прочных представлениях о правах человека, о достоинстве человеческой личности. Особенно замечательны женские образы Дионисия, исполненные благородства и утончённой женственности.

Тематически произведения Дионисия в основном посвящены культу богоматери — «покровительницы» Москвы. С этим культом богоматери связываются также темы семьи, рост значения которой характерен для русского общества XV—XVI вв. Таковы особенно темы росписей Дионисия: омовение младенца, рождение, радость родителей, ласкающих младенца, младенец, играющий на руках у матери, и т. д.

Таким образом, в тематике росписей Дионисия сливается влияние растущего государства с влиянием семьи и утверждением личности.

VIII. НОВОЕ В ПРАВАХ И БЫТЕ

1

Вместе с политическим подъёмом в жизни русского народа во второй половине XIV в. намечается заметный перелом и в его быту.

Всё более и более отходят в прошлое языческие верования и обычаи, столь распространённые в XI—XIII вв. Так, например, ещё в 1274 г. церковным собором во Владимире отмечались игрища, на которые по субботам и воскресеньям собирались новгородцы, «кричали и ржали как кони и делали скверну». Ещё в конце XIII в. в Новгороде существовал языческий обычай водить невест к воде. Ещё в первой половине XIV в. при сливании кваса окружающие поднимали страшный шум, призывая и величая языческих богов (в том числе и бога кваса), и били в бочки. Но уже под 1358 г. в новгородской летописи отмечено, что новгородцы «того же лета целоваша (т. е. клялись) бочек ни бити».

Постепенно отмирают и другие пережитки язычества, многие из которых существовали не только в широких народных массах, но и в княжеской среде. Отмирает княжеский языческий обычай пострига и посажения на коня малолетних князей; отмирает обычай давать князьям, кроме церковных, вторые княжеские имена в память предка, исчезают из княжеского обихода молитвы-обращения перед битвой о помощи к умершему предку, независимо от того, был ли он объявлен церковью святым или нет, и многие другие пережитки религиозных представлений родового общества.

«Двоеверие», т. е. беспорядочное смешение представлений языческих и христианских, которое было характерно даже для мировоззрения княжеской среды, ещё в XII—

XIII вв. постепенно отходит в отдалённые от центров просвещения «украины». Но и там, в глуши лесов и болот, их настигает монастырь, скит или погост.

Именно со второй половины XIV в. начинается оживлённая деятельность монастырей, активно христианизировавших отдалённые северные окраины. Столетием раньше новых монастырей было основано около трёх десятков, почти все они строились в городах или непосредственно за их стенами. Но с середины XIV в. их возникает до полутора, большинство из них вырастает вдали от городов и сёл, в лесных дебрях, на берегах глухих рек и озёр. Монастыри продвигаются и на север, и на восток, и на запад, подчиняя своему культурному влиянию окрестное население. Вокруг монастыря, под защитой его стен, оседает население, топор и соха преобразуют лесную чашу, распространяется грамотность.

Типичный представитель этого «пустынничества» — Стефан Пермский хорошо знал греческий язык, мог свободно говорить на нём, читал греческие книги, делал переводы. Епифаний Премудрый называет его «чудным дидакалом», исполненным мудрости и разума, и отмечает, что он был научен всей внешней (т. е. светской) философии, книжной мудрости (т. е. был начитан) и грамотной хитрости (т. е. знал грамматику и риторику как высшие науки о языке). Тот же Стефан Пермский составил зырянскую азбуку для окружающего населения, перевёл на зырянский язык богословские книги, а затем, приобретя среди зырян высокий авторитет, неоднократно ходатайствовал за них перед великим князем, добился облегчения дани, избавлял их от работ, насилий и тиунских продаж (конфискаций).

Христианская книжность этого периода оказывает всё большее влияние на жизнь. Под впечатлением пролога и миней (сборников житий святых) задумывал впечатлительный юноша свой побег из родительского дома в «пустыню», в скит. Под влиянием литературных образцов слагается жизнь «подвижников», основателей монастырей и др.

Церковь оказывает влияние не только на жизнь клира. Под воздействием церкви, начиная с XIV в., замечается значительное смягчение нравов.

В отличие от западноевропейских католических монастырей XIV—XV вв., проповедывавших крайние формы аскезы, «умерщвления плоти», самоистязаний и самоунижений (целование ран прокажённых, растравливание ран на

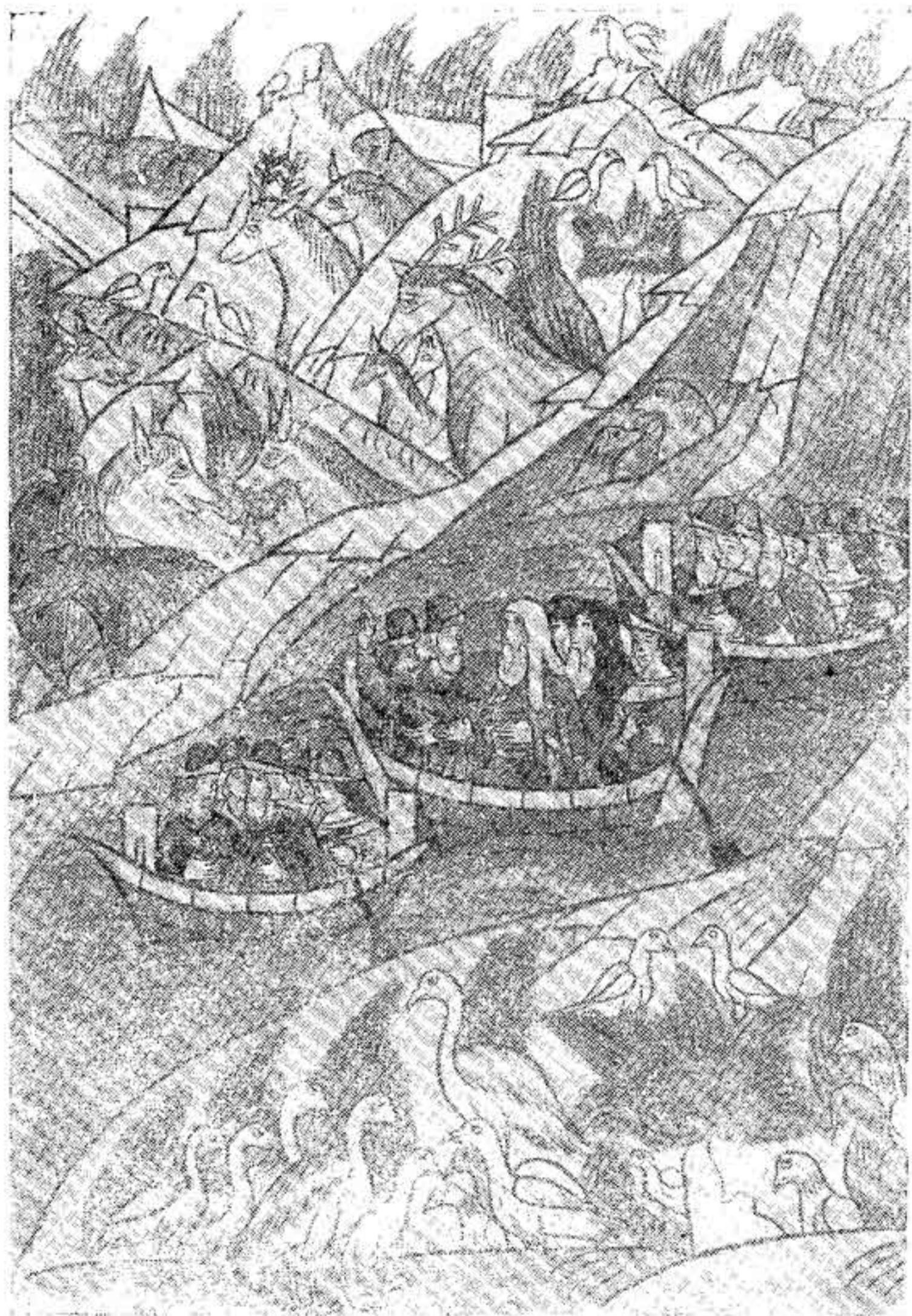
собственном теле и т. п.), русские монастыри XIV—XV вв. не были рассадниками иступлённо аскетического отношения к жизни. «Отрекись пьянства, а не питья, отрекись объядения, а не яствы, отрекись блуда, а не женитьбы», — читаем мы в наставлении духовнику о принятии кающихся XV в. «Невежество злее согрешения», — читаем мы там же. Кающихся следует расспрашивать «с великим прилежанием», пишет митрополит Киприан, и различно накладывает на них епитимью: «так как иначе молодой поступает, иначе же пришедший в возраст, иначе же в старости согрешивший, иначе же смысленный, иначе несмысленный, иначе самоволием согрепивший, иначе неволею согрепивший, иначе раб, иначе свободный, иное дело вольный грех, иное невольный. Все следует выпросить и по всему этому рассудить духовному отцу».

Перед проповедниками XIV—XV вв. стояли живые человеческие личности, и каждого из паствы надлежало «с прилежанием» распытывать и узнавать.

2

Такое отношение проповедников XIV—XV вв. к человеку далеко не случайно: резко растёт в быту значение человеческой личности. Живая человеческая личность стоит в центре внимания литературных произведений. Творчество художников и писателей, по большей части безличное и безымянное в предшествующие века, начинает индивидуализироваться. Писатели надписывают свои произведения своими именами, они много говорят в них о себе, о причинах, побудивших их взяться за перо. Люди XIV в. уже интересуются тем, кто составил то или иное произведение, создал тот или иной предмет искусства. В завещании Дмитрия Донского упоминаются «икона Парамшина дела... пояс с ремнем Макарова дела... пояс золот Шышкина дела...».

Литературное ремесло выделяется в особую профессию. Появляются первые писатели-профессионалы, занимающиеся писательством не только в свободное от других дел время, но и ради заработка. Таков, например, Пахомий Логофет. Первоначально, не позднее 1438 г., он работал в Новгороде, в 1440—1443 гг. перекочевал в Москву, долго жил в Троице-Сергиевом монастыре, в 1460 г. снова явился в Новгород, но уже ненадолго, так как в 1463 г. застаёт его в Кирилло-Белозерском монастыре. Десять лет

Пустыня. Путешествие Памена
Летопись Остермана

спустя опять видим его у Троицы, где ему поручают написать «Слово» по случаю «перенесения мощей» митрополита Петра. Есть предположение, что позже Пахомий побывал в Устюге. Затем Пахомий снова в Новгороде — за составлением жития новгородского архиепископа Моисея. Это почти полувековое странничество по разным центрам тогдашней русской письменности вытекало из чисто профессиональных задач «книжного писательства»: где бы ни останавливался Пахомий, всюду находил себе спрос его литературный талант, всюду писались им в одном и том же риторическом стиле «Слова», жития и церковные службы местным святым.

Больше 10 житий, столько же приблизительно «Слов», около 15 «служб» и исключительный в своём роде труд по составлению из разных русских и иностранных источников первого у нас опыта отечественной истории на всемирной основе — Хронографа 1441 г. — таков итог многолетней деятельности этого первого на Руси литератора-профессионала.

Сознание ценности человеческой личности самой по себе выражается также в ряде других косвенных признаков. Открытие пейзажа, природы — типическая черта нового отношения к человеку и к его переживаниям. Интерес к природе, стремление к уединению среди лесов или в сельской тишине сопутствовали у всех народов первым проявлениям индивидуализма и сознанию ценности личных чувствований. Авторы эпохи Возрождения как бы открыли природу, научили любоваться закатами и восходами солнца, расцветающей весенней природой, слушать птиц и наблюдать зверей. Пейзаж, ещё пока условный, проникает в русскую живопись (фрески Волотова), в литературу (в произведения Епифания Премудрого), в самый быт, поскольку особая забота о выборе красивого местоположения для монастыря, скита или стремление переселяться на время из города на лоно природы становятся сбычными в XV в. Так, например, о митрополите Киприане известно, что он любил жить в селе Голенищеве, где занимался «книжным писанием»: «было это место тихо и безмятежно и покойно», — говорит о нём летописец.

Стройная сосна, раскидистый дуб, ель на крутом берегу тихого озера не раз с любовью отмечаются в житиях. Место, избранное для жизни Антонием Сийским, было окружено горами, покрытыми лесом, в долинах лежало озеро, возле которого находилось жилище Антония, окру-

жённое двенадцатью берёзами «белыми, как снег». «Созерцание такого места может возбудить чувства» — пишет его биограф.

Сами святые обычно в XIV и следующих столетиях изо-

Келья Сергия в лесу
Миниатюра из жития Сергия

бражаются покровителями зверей и птиц, они приручают их и делятся с ними пищей. Когда Сергей Нуромский пришёл навестить Павла Обнорского, он увидел стаю птиц, вившихся около Павла: одних он кормил из рук, другие сидели у него на голове и на плечах. Тут же стоял медведь и ждал себе пищи, вокруг прыгали лисицы и зайцы.

В Повести о Петре и Февронии рассказывается, что, когда к Февронии пришёл посол князя Петра, перед нею скакал заяц. Рассказы о медведях и зайцах наполняют многие произведения.

Таким же новым, характерным явлением для эпохи интенсивного роста значения человеческой личности была дружба, впервые особо отмечаемая книжностью. Известна тесная дружба, связывавшая Епифания Премудрого и замечательного живописца — Феофана Грека, Сергия Радонежского и Стефана Пермского, художников Андрея Рублёва и Даниила Чёрного, не разлучавшихся до самой смерти. Когда известный книжник — митрополит Киприан вынужден был покинуть Москву, с ним добровольно разделил изгнание один из образованнейших людей того времени — Афанасий Высоцкий.

3

В XIV—XV вв. постепенно складывается семейный быт русского народа с сильною властью отца, с высоким нравственным авторитетом матери, о котором много пишут в посланиях и грамотах XIV и XV вв.

Стоит только прочесть духовные завещания московских великих князей, чтобы убедиться, насколько выросла забота о семье, о её обеспеченности после смерти главы, с какою скопидомною тщательностью перечисляются в них все угодия, все драгоценности и вся накопленная утварь. Как непохожи эти завещания московских великих князей на духовные грамоты их предшественников. Когда-то краткая духовная грамота Владимира Васильковича Волынского, писанная около 1286 г., заключалась характерным разрешением делать после его смерти что угодно: «мне не воставши (из гроба) смотреть, что кто станет делать после моей смерти», — пишет с мрачным юмором Владимир Василькович. Со злым недоброжелательством, вытащив из постели клок соломы, говорит он своему «душеприказчику»: «хоть бы тебе этот вехоть соломы дал — того не давай по моей смерти никому».

Совсем иной характер носит духовная грамота Ивана Калиты: подробно даются в ней распоряжения не только о земле, сёлах, княжествах, но и о золоте, которое он «придобыл», о золотых и серебряных сосудах, серебряных блюдах, золотых кованых поясах. Каждая из последующих княжеских грамот становится всё подробнее и тщательнее

в своих распоряжениях. Духовная грамота Ивана подробно перечисляет каждую мелочь: «шолковую и иную рухлядь», «чепи», «лалы» (рубины), «яхонты», жемчуги, прибыли и доходы. Подробно сказано в ней, в каких ларцах что хранится, где и у кого стоят эти ларцы, чьими печатями они запечатаны и у кого находятся от них ключи. Забота о семье приобретает гипертрофированные формы.

Идеал семьи в княжеской среде принял форму наследственной власти княжеской семьи по нисходящей линии родства. Русская земля в XIV—XV вв. находится уже не в совместном владении рода Рюриковичей, как это было в домонгольской Руси. В Московском княжестве всё отчетливее кристаллизуется идея семейного наследования права на великое княжество Московское, переходящая впоследствии в идею единовластного наследования старшим сыном всех прав, владений и богатств своего отца.

Укреплению семьи сопутствует развитие семейных обычаев. Рождения, браки, смерти — все эти внутренне значительные моменты семейной жизни отмечаются, начиная с XIV в., с необыкновенной торжественностью и в княжеской, и в боярской, и в купеческой среде.

Князья XI—XII вв. умирали в бою (как Изяслав Ярославич или Изяслав Владимирович), умирали от похмелья, после пира с дружиной (как Юрий Долгорукий и брат его Вячеслав), умирали от руки заговорщиков (как Андрей Боголюбский) или от долгой тяжёлой болезни (как Владимир Василькович), одинаково не делая из одного только ожидания смерти ни большого события собственной внутренней жизни, ни народного зрелища. Совсем иначе обставляют свой отход к «отцам и дедам» князья в XIV и XV вв. Так, например, в 1399 г. тверичи были свидетелями смерти своего князя Михаила Александровича. Перед смертью, как это было в обычаях XIV—XV вв., князь пожелал постричься в монахи. Его провожали всем городом, собираясь, по словам летописца, «яко на дивное чудо». Плачет горькими слезами дружина, плачут «склоньшися друг ко другу» княжьи отроки, плачет княгиня, плачут бояре, плачет всё многочисленное родство маститого Михаила Александровича. Между тем, прибыли к Михаилу послы из Константинополя с дарами патриарха: иконою страшного суда, мощами святых и миром. Тверской епископ, всё духовенство и толпы народа вышли навстречу послам со свечами и кадилами. С трудом встав с постели, вышел и сам умирающий великий князь. Поклонившись

иконе, Михаил приказал отнести её в церковь Спаса и сам проводил её туда, и когда икону поставили на место, вышел к толпе, стал на высокую ступень, поклонился на все стороны и сказал: «Простите меня, братья и дружина, добрые сыны тверские: оставляю вам любимого и старшего сына Ивана, пусть будет вам князем вместо меня; любите его, как и меня любили, а он пусть соблюдает вас, как я соблюдал».

Народ плакал и прощался с князем, который вновь смиренно кланялся всем, а затем удалился в Афанасьевский монастырь, где через неделю умер.

Такой торжественный отход «к предкам» не был единичен. Раньше Михаила Александровича подобное же зрелище при огромном стечении экзальтированного народа устраивает из своей смерти Фёдор Ростиславич Ярославский. Всем городом провожали ярославцы своего князя, которого на носилках внесли в церковь. Традиционный вопрос перед постригом был задан князю в особенно выразительной форме: «что, прииде, брате, к святей дружине сей?» — так назвал игумен монастырскую «братию», явно противопоставив эту «святую дружину» той мирской, которая окружала его при жизни. Князь уходит в иной мир в сопровождении новой дружины для нового, но всё ещё княжеского дела.

«Благодарю тебя, — говорит другой князь, Дмитрий Святославич Юрьевский, своему епископу, постригаясь перед смертью, — что приготовил меня на долгий путь, на вечное лето, снарядил меня воином истинному царю Христу, богу нашему».

Такими же торжественными обычаями обставлялись в XIV—XV вв. все другие события в жизни семьи. Брачные пиры назывались «кашею». Кашу устраивали обычно в городе у отца невесты. Но если отец невесты был по положению ниже жениха, то жених не ездил за невестою сам, а посылал за нею послов. В спорных случаях каша устраивалась на полпути между городами жениха и невесты. Так было, например, когда Дмитрий Донской женился на дочери нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Кашу справляли в Коломне: Дмитрий Московский не хотел нарушить своё достоинство и ехать жениться в Нижний, а Дмитрий Нижегородский не хотел ехать в Москву к шестнадцатилетнему князю. Но где бы ни женился князь — это событие праздновали всем городом при громадном стечении народа.

Женитьба, рождение ребёнка, крестины и пр. не рассматривались только как события личной, замкнутой жизни. Обыкновение жить широкой семьёй приводило к объединению различных семейных празднований: братья и близкие родичи справляли вместе крестины, свадьбы и т. д. Так, например, московская летопись рассказывает под 1345 г.: «Того же лета князь великий Семен женился

Пир
Миниатюра Радзивилловской летописи

въ другие (т. е. овдовев) у князя Феодора у Святославича, поял княгиню Еупраксию; также и братья его князь Иван, князь Андрей, и вси три единого лета женишася».

Особое внимание к свадебным обычаям, которое явственно ощущается в русской жизни, отразилось в многочисленных свадебных чиноположениях, которые начинают составляться с конца XV в. Чиноположения эти представляли собой не что иное, как наставления о том, кому и что делать в суетливые свадебные часы. Они отчётливо рисуют необычайно сложный свадебный обряд великого

князя и высших слоёв общества, вобравший в себя обычаи самого разнообразного происхождения, но в основе своей опирающийся на традиционные формы русской *народной* свадьбы.

Как и в крестьянской свадьбе, в свадьбе великого князя участвуют свахи, тысяцкие, дружки; пекутся короваи, калачи, перепеч, готовятся сыры; невесте расчёсывают голову; жениха и невесту осыпают хмелем; им дарят ширинки; их постель стелется в холодном сеннике на тридевяти ржаных снопах; по углам в оловянных ставят мёд; в головах у постели ставят свечи в кадь с пшеницею.

Семейные торжества входили в жизнь народа. Семейный быт становился одним из важнейших элементов слагающейся национальности. Он стабилизировался торжественными обрядами, многочисленными обычаями, становился прочным, надёжным оплотом национального уклада.

Можно привести множество примеров, доказывающих повышенный интерес к семье в литературе и в живописи XIV—XV вв. Даже иконописцы чаще изображают темы семейной жизни Христа (Рождество, Сретение, Успение и т. д.), охотно разрабатывают тему материнства и так называемого «умиления» (умиления богоматери своим сыном).

Не случайно епископское поучение к князьям и всем православным христианам, помещаемое во всех русских Кормчих в списках XV в., подчёркивает необходимость твёрдо держаться обычаев своей страны, — это становилось почти патриотическим, почти государственным делом: «Коей же стране законы своя и отчина, а не приходит друга к друзей, но своя обычая кояждо закон дръжит».

4

К XIV—XV вв. относятся первые упоминания о многих обычаях, ставших впоследствии распространёнными в русском укладе жизни, например, полдневный сон,¹ раннее вставание утром.²

¹ В 1410 г. татары подошли «к Володимерю лесом безвестно из-за реки Клязмы, людем в полдень спящем» (Симеоновская летопись, ПСРЛ, т. XVIII).

² Обычно вставали в седьмом часу утра, называвшемся первым часом дня. Но царь Фёдор Иоаннович вставал в 4 часа утра.

Быт укрепляется, становится сложным и неотступно до самой смерти сопровождает жизнь человека многочисленными обычаями.

Усложнению всего уклада русской жизни соответствует и усложнение материального обихода общества.

Завещания князей, бояр и купцов, в которых перечисляются одежды, тканые золотом и усыпанные драгоценными камнями, дают представление о роскоши жизни состоятельных слоёв населения.

Вот любопытное сатирическое изображение московского щёголя начала XVI в. в одном из поучений митрополита

Князь и трубач
Деталь миниатюры Радзивилловской летописи

Даниила: «Великий подвиг творишь, — обращается к нему Даниил, — угождая блудницам, платье переменяешь, сапоги у тебя яркого красного цвета, чрезвычайно узкие, так что сильно жмут ноги, блистаешь, скачешь, ржешь как жеребец, волосы не только бритвою вместе с телом сбрываешь, но и щипцами с корнем исторгаешь, позавидовавши женщинам, мужское свое лицо на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, как женщина... Какая тебе нужда носить сапоги шелком шитые,

перстни на пальцы надевать? Какая тебе выгода тратить время над (охотничьими) птицами? Какая нужда множество псов иметь? Какая похвала на зрелища ходить? Мы не только носим шитые шелком сапоги, но даже под рубашкою, где никто не видит, некоторые носят дорогие пояса с золотом и серебром».

В мастерски набросанном митрополитом Даниилом портрете московского щёголя обращает на себя внимание в особенности брадобритие: западные обычаи и моды, повидимому, не были редкостью на Руси. Мужчины до 30 лет всегда изображаются на миниатюрах без бород. Дмитрий Донской не носил бороды до 29 лет, Василий I — до 32. Дошедшая до нас от XIV в. иллюстрированная Радзивиловская летопись (повидимому, смоленского происхождения) изображает одежды и вооружение, близкие западноевропейским. Нельзя считать, что перед нами просто подражание западноевропейским миниатюрам; против этого говорит последовательность, с которой западноевропейские одежды распределены среди тех слоёв населения, где они могли быть действительно в обыкновении: свои восточные одежды носят печенегы, половцы, угры, торки, татары; чужь изображена в своеобразных, подбитых мехом одеждах. Между тем, князья очень часто носят короткую западную одежду, трико, башмаки с острыми носками, длинные рыцарские шпоры. Гарольды одеты всегда в трико, иногда двухцветное. В общеевропейских ренессансного типа одеждах щеголяют женщины. В миниатюрах встречаются изображения западноевропейских обычаев и этикета, говорящие о том, что не только одежды, но и быт русских в XIV—XV вв. не был оторван от западноевропейского: оруженосец, держащий стремя своему князю, стоит на одном колене, начало мирных переговоров возвещается трубными звуками изящно избоченившихся гарольдов и т. д.

Русская одежда XV в., особенно парадная, не представляла таких резких различий от одежд западноевропейских, как это было позднее. Французский король Карл VII носил такую же шубу с откидными рукавами,¹ как и Иван III. Ожерелье, надеваемое московскими государями во время больших выходов, такой же формы, что

¹ Вообще следует отметить, что длинные, не сшитые по швам откидные рукава («накапки»), составляющие очень характерную деталь русской одежды, были распространены в XV в. в Западной Европе повсеместно.

и ожерелье, которое надевал в подобных же случаях Альбрехт III Бранденбургский, а впоследствии французский король Людовик XV.

Верхние одежды русских в XV в. не отличались такою длиною, как в XVII в., и были значительно короче нижних. Одежды низших классов в изображении миниатюристов всегда короткие.

Несмотря на то, что покрой одежды и название её в XV—XVI вв. были очень неустойчивы, мы всё же можем отметить для этого времени ряд характерно русских особенностей.

Мех, особенно соболий и бобровый, принадлежал к самым любимым уборам. Бобровый мех по большей части подкрашивался чернением. Почти все одежды состоятельных женщин, особенно выходные, парадные, не только зимние, но и летние, окаймлялись бобровой опушкой. В торжественных случаях женщины высших классов общества носили особый широкий бобровый воротник. В большом ходу было золотое тканье, шитьё, плетение. Излюбленным цветом материй — атласов, бархатов, камок — был червчатый (оттенок красного) и алый. В широком употреблении был жемчуг. Жемчужные нити окаймляли лицо, лоб украшала жемчужная кичная поднизь, по сторонам щёк свешивались жемчужные нити, на шею надевалось стоячее жемчужное ожерелье. Кроме жемчуга, в большом ходу были лалы и изумруды.

Верхние одежды всегда шились без пояса и были очень просторны. Нижние же одежды, а также домашние — сорочки (соответствующие теперешнему платью) носились с поясами, и ходить «распояскою» считалось так же неприличным, как для замужней женщины — с непокрытыми волосами, «простоволосою».

В деталях одежды и мужские и женские в каждом сословии представляли значительные видоизменения, но в целом, на взгляд иноземца, они представлялись одинаковыми. Вот как характеризует одежды русских Герберштейн: «Все они употребляют одинаковую одежду или убранство. Носят длинные кафтаны, без складок, с очень узкими рукавами, почти как у венгерцев. Узелки, которыми застегивается грудь, у христиан на правой стороне, у татар же, употребляющих одинаковую одежду, — на левой. Сапоги носят почти всегда красные, и короче, нежели до колен, с подошвами, подбитыми железными гвоздиками. Воротники рубашек почти у всех украшены

разными цветами; застегивают их пуговками, т. е. серебряными или медными позолоченными шариками, для украшения присоединяя к ним жемчуг».

* * *

От второй половины XIV и на всём протяжении XV в. идёт интенсивный процесс сложения национального быта в различных слоях общества. Этот процесс связан, с одной стороны, с отходом от языческих переживаний, с сильной христианизацией всего уклада жизни, а с другой — идёт параллельно созданию русского национального государства.
